

В. СЕРГЕЕВИЧ

Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?

Созвание представителей русской земли для составления проекта нового уложения есть величайшее событие екатерининского царствования. Деяния законодательной комиссии долго оставались под спудом и, как все неизвестное, возбуждали самые разнообразные толки. Думали даже, что представители русского общества, собранные Екатериной, проявили стремления вредные для общественного порядка, навлекли на себя неудовольствие императрицы и были распущены, как не оправдавшие высокого доверия государыни. Этим опасным для спокойствия государства направлением комиссии объяснялась и та тайна, которая без малого целое столетие скрывала от потомства всякие следы ее деятельности. Только в самое последнее время благодаря изданиям Русского исторического общества густая тьма, покрывавшая деяния депутатов, начинает рассеиваться, и Россия получает возможность судить о том, чем была в действительности наделавшая в свое время столько шума Екатерининская законодательная комиссия. <...>

14 декабря 1766 года последовал манифест, которым разные сословия империи Российской призывались прислать выборных «не только для того, — сказано в манифесте, — чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но допущены они быть имеют в комиссию, которой дадим наказ, для заготовления проекта нового уложения к поднесению Нам для конфирмации. Сим учреждением Мы нашему народу опыт даем нашего чистосердечия, великой доверенности к оному и прямым материнские любви».

Откуда эта мысль у самодержавной императрицы призвать подданных своих к участию в законодательстве?

Мысль совещания с подданными об их нуждах и недостатках и о вопросах законодательства, которыми эти недостатки и нужды могут быть облегчены, так естественна, так дается самым делом управления таким обширным государством, каким и тогда уже была Россия, что скорее был бы повод удивляться и искать причин, если бы она не возникла в уме такой просвещенной государыни, какою была Екатерина Великая. Эта мысль — даже и не новая в нашей государственной практике. В московской Руси собирались с этою же целью земские соборы. Один из них (собор 1648 года) был созван для того, чтобы «государевы и земския дела утвердить и на мере поставить, чтобы московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшого чину, суд и расправа была во всяких делех всем равна»¹. Люди любознательные и теперь могут видеть в московской Грановитой палате экземпляр Соборного уложения царя Алексея Михайловича, этот важнейший памятник нашего законодательства московской эпохи, скрепленный подписями всех чинов государства. Ближайшие предшественники Екатерины II также обращались в законодательных вопросах к содействию выборных людей. Попытку в этом роде встречаем в царствование Петра II и Елизаветы Петровны. Выборные люди, созванные последнею государынею, еще не успели кончить своего дела и разъехаться по домам, как императрица Екатерина II вступила на престол. Итак, польза дела и примеры истории одинаково могли навести Екатерину Великую на мысль о созвании представителей земли, управление которой досталось в ее руки.

Примеры нашей истории, говорим мы, могли навести, но не думаем, что в них надо искать ближайшую причину созвания законодательной комиссии. Взоры императрицы Екатерины, особенно в первые годы ее царствования, не были обращены к русской старине, связи с которой у ней были очень шаткие. По своему рождению и воспитанию она не столько принадлежала России, сколько Западной Европе. В лице ее на российский императорский престол вступила женщина, проникнутая просветительными идеями французской философии XVIII века, увлекавшаяся мыслями энциклопедистов и высоко ставившая одобрение своей правительственной деятельности такими людьми, как Даламбер и Вольтер. Молитвенником русской государыни, по собственному ее признанию, служила книга Монтескье «О духе законов»².

Ближайшую причину созвания выборных с целью дать России такое законодательство, чтобы «видеть свой народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и

довольство может на сей земле простираться», надо искать в знакомстве императрицы с западноевропейской литературой и, главным образом, с сочинением Монтескье «О духе законов».

Великая заслуга Монтескье, обратившего на английские учреждения внимание всего образованного мира и сделавшего попытку дать им теоретическую конструкцию в форме знаменитого учения о разделении властей, не осталась незамеченной русской государыней. Она живо заинтересовалась представительными учреждениями Англии, знакомилась с практикой английского парламента, и экземпляр журналов его заседаний препроводила А. И. Бибикову, маршалу учрежденной ею законодательной комиссии.

Духовное общение с Западом, первые следы которого принадлежат весьма отдаленному времени, в царствование великой Екатерины проявилось в форме далеко необыкновенной и крайне поучительной. Последние успехи западной науки были усвоены русской императрицей и возведены русскому народу с высоты престола, как его драгоценнейшее достояние*. «Вы увидите, — писала Екатерина в интимном письме к Даламберу о своем труде, экземпляр которого хотела доставить ему, — как там, на пользу моей империи, я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающею, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей, которое из того должно последовать. Он слишком любил человечество, чтобы поставить мне это в вину. Его книга служит мне молитвенником. Вот образец судьбы, которой подвергаются книги гениальных людей: они служат для благосостояния человечества»³.

Свои заимствования из Монтескье Екатерина делала, однако, с большою осторожностью. Сличение ее «Наказа» с оригиналом указывает на очень своеобразное изменение мыслей французского ученого. Хотя она и считала его труд молитвенником, но далеко не находила возможным всегда за ним следовать. Осо-

---

* Эту особенность своего участия в деле умственного общения России с Западной Европой императрица хорошо понимала сама. В ее письме к Вольтеру от 11 августа 1765 года находим такое место: «Мы очень изумлены, встречая в западной литературе произведения, делающие честь роду человеческому и вида, как мало пользуются ими для блага других. Мой девиз — пчела, которая, летая с растения на растение, собирает мед для своего улья, и притом надпись: полезное. У вас низшие научают, и легко высшим пользоваться этим наставлением; у нас — наоборот, мы не имеем таких удобств» (Сборник ИРИО, т. X, с. 38).

бенно крупные отступления сделала она в вопросе о разделении властей. Мысль об участии народа в законодательстве она не находит возможным повторить в своем «Наказе», как общее правило при организации законодательной власти. Но на деле она призывает русских людей к этому участию. Практика императрицы шла, таким образом, далее ее теории: то, чего она не решалась высказать в теории, она легко допустила на практике.

Порядок, осуществляемый на деле, хотя бы он и не был введен в систему действующего права в форме определенного положения, сам по себе имеет уже великую важность: он есть живая действительность. Возведение его в теорию можно было предоставить будущему.

Манифестом 14 декабря 1766 года представители русской земли призывались к участию в законодательстве. Таково было действительное намерение императрицы, и так именно было оно понято депутатами и их избирателями.

Составители некоторых малороссийских наказов особое доказательство заботливости императрицы о пользе и благоденствии народа видят, между прочим, именно в том, что депутаты созваны не только для того, чтобы выслушать их нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участие в составлении проекта нового уложения. Заявлений такого рода нам не случилось встретить в великороссийских наказах. Но и великороссийские депутаты, как и депутаты других мест, обращаясь к собранию с своими мнениями, постоянно предлагают их «на рассуждение» собрания, которое они считают в праве делать постановления.

В заседании 10 июля 1768 года двенадцать депутатов от однодворцев, пахотных солдат и городов разных местностей при обсуждении только что внесенного в собрание проекта прав благородных подали особое мнение, в котором они просят отложить обсуждение проекта на некоторое время, в течение которого они могли бы ознакомиться с ним. В этом мнении встречаем такое место: «...если оный (проект) сходствен с положением нашего государства, и что больше, если согласен с естественным рассуждением, то подтвердим и постановим оный непоколебимым. А если, напротив, найдет в нем что-либо такое, что для всего отечества и будущего спокойствия может быть вредно, или чего недополнено, — о том подать нам (т. е. просим) свои примечания». Даже между однодворцами и пахотными солдатами были люди, которые хорошо понимали, в чем заключался «опыт чистосердечия и великой доверенности», с которыми государыня обратилась к своему народу.

Заключительные статьи многих наказов, в которых составители заявляют желание увековечить на память грядущим поколениям каким-нибудь внешним знаком этот акт монаршей воли, едва ли можно понять, если не предположить, что избиратели хорошо видели всю политическую важность этого акта. Так же надо объяснять и тот взрыв общего восторга, которым сопровождалось первые заседания комиссии и который привел к поднесению императрице титула «великой, премудрой матери отечества».

В нашей литературе принято с иронией указывать на то, что комиссия занялась сочинением титула императрицы, прежде чем совершила что-нибудь по существу дела, для исполнения которого была созвана. Совершенно напрасно. Поднесением титула комиссия хотела почтить не результат своих трудов, а великое начинание государыни, великий акт призвания представителей Русской земли к участию в законодательстве. Поднесение титула указывает, что значение факта созвания депутатов было правильно понято и встречено с тем сочувствием и восторгом, который вполне приличествует важности заключающейся в нем идеи.

Великое значение этого факта не укрылось и от внимания Генриха Ширлея, находившегося тогда в Москве в качестве заведующего английским посольством при нашем дворе. В день открытия заседаний комиссии он писал в Англию: «Ее императорское величество приезжала сюда из Коломны в прошлую субботу, а сегодня в день, *долженствующий навсегда остаться священным для России*, она отправилась, для слушания божественной службы, в торжественном шествии, в собор, где были собраны чины империи, а из церкви в Кремлевский дворец, где, вступив на трон, допустила депутатов к чести целования своей руки» *.

---

* С этим отзывом Ширлея, относящимся к идее начинания Екатерины, не должно смешивать последующих его отзывов, вызванных самой деятельностью комиссии. Деятельность комиссии, действительно, заслуживает упреков, но это другой уже вопрос, о нем речь будет ниже. Здесь заметим только, что Ширлей не всегда правильно оценивает недостатки комиссии и не всегда по настоящему адресу направляет свои упреки. Но подъем общего настроения, вызванный созванием комиссии, отразился и в этих позднейших донесениях Ширлея. «Русские, — писал он от 13 августа, — не говорят и не думают ни о чем другом (как о комиссии), и, видя собранных в своей столице представителей многих наций, столь различных по платью, обычаям и религии, как-то: самоеды, казаки, болгары, та-

Великое предприятие Екатерины, навеянное западноевропейским движением мысли, отражало на себе и многие недостатки этого движения. Рационалистическая философия XVIII века не умела отдать должного историческому началу в развитии человечества. Все, выработанное историей, она склонна была осуждать, как результат грубости и невежества; все наследие веков она хотела бы уничтожить и заменить новым порядком вещей, основанным на указаниях разума. Законы, с точки зрения этой философии, не были результатом медленного и почти всегда болезненного исторического развития, а должны были возникнуть разом в полнейшем своем объеме и всесовершенстве.

Екатерина Великая принесла свою дань этому направлению. Она созвала комиссию для сочинения полного проекта уложения по всем частям законодательства и притом нового во всех своих частях. Россия рассматривалась ею как бы не имеющею никакого гражданского порядка, а потому все надлежало дать ей вновь. «Надлежит установить порядок неподвижный для наследования», «полезно сделать учреждение об опекунстве», — таков язык ее наказа комиссии. Можно подумать, что общество, для которого написаны эти правила, не знает ни наследования, ни учреждения опеки, и все правила гражданского общежития приходилось творить для него из ничего. Именно такова была задача комиссии. Задача беспримерной трудности.

Сколько же времени назначала государыня для исполнения такой задачи? Время, на которое были созваны депутаты, не было ею определено. Но Генрих Ширлей говорит, что тогда думали (конечно, руководящие люди той эпохи), что на совершение этой громадной работы потребуется всего четыре года!

Как постановка задачи комиссии, так и время, которое считалось достаточным для ее исполнения, одинаково указывают, насколько императрица, при всем ее добром желании, была далека от правильного взгляда на трудности того дела, к совершению которого она приступала.

Призывая депутатов к составлению проекта нового уложения, Екатерина не находила, однако, возможным предоставить им полную свободу в определении основных начал этого уложе-

---

тары и пр., которых они считают (быть может, не без основания) вполне зависимыми от Русской империи, они способны заключить, что теперь они составляют мудрейшую, счастливейшую и могущественнейшую нацию во всей вселенной» (Сборник ИРИО, т. XII, с. 304 и сл.; 326 и сл.).

ния. В руководство им она сочинила особый «Наказ», который и должен был служить «за правило» составителям уложения. Вот как члены дирекционной комиссии, которая должна была руководить деятельностью всех других частных комиссий, объясняют это выражение «за правило»: «При сочинении хотя многое из старых законов почерпаемо быть может, но они правилом не служат. Ныне все по премудрым и никогда неопровергаемым правилам большого наказа (так назывался екатерининский наказ, в отличие от наказов, привезенных депутатами от их избирателей) расположено быть должно. Почему и нет другого зеркала, как, во-первых, наказ, а потом — здравый рассудок, любовь к отечеству и должная благодарность к строительнице блаженства нашего».

Из приведенного места видно, что рационалистические идеи проникали даже в умы екатерининских царедворцев: они находят возможным считать начала законодательства, выраженные в «Наказе», вечными (потому, конечно, что они разумны), и, кроме них, признают только указания здравого рассудка. «Любовь к отечеству и должная благодарность к строительнице блаженства нашего» являются как местная и, конечно, необходимая модификация чисто-рационалистических идей. Только начала «Наказа» и здравого рассудка (что, собственно, одно и то же) обязательны для составителей уложения; следовать же старым законам нет необходимости. Посмотрим теперь, насколько «никогда неопровержимые правила наказа» могли облегчить членам комиссии их крайне трудную деятельность.

Чтение «Наказа» произвело такое потрясающее впечатление на депутатов, что многие из них не могли воздержаться от слез. Гуманные идеи, проникающие «Наказ» от начала и до конца, мысль об общем благе, как цели законов, смягчение суровых наказаний московской эпохи и петровского законодательства, отмена пыток, дозволение высказывать свободно свое мнение и множество других положений, имеющих одну общую цель в том, чтобы русский народ, с изданием нового уложения, получил наиболее справедливые законы и был наиболее процветающ, чем какой-либо другой народ в мире, — все это делает совершенно понятным такое впечатление. Но мы сделаем большую ошибку, если подумаем, что от «Наказа» оставался только один шаг к новому законодательству, которое сделало бы русский «народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольство может на сей земли простираться».

Гениальные способности императрицы стоят выше всякого сомнения, добрую ее волю мы также не имеем права заподоз-

ритель. Но дело законодательства представляет величайшие трудности, для преодоления которых необходимы специальные знания, приобретаемые путем сложной специальной подготовки. Екатерина Великая была просвещеннейшей женщиной своего времени, но вопросы законодательства были и для нее новостью. «Я начала, — говорит императрица, — читать, потом писать наказ комиссии уложения. Два года я и читала и писала, не говоря о том полтора года ни слова...» Два года — время, конечно, продолжительное, но мы сомневаемся, чтобы и человек специально подготовленный мог в это время составить правила для целого законодательства; тем менее можно ожидать этого от императрицы, которая тут же впервые изнакомилась с большинством подлежащих решению вопросов. В июле месяце 1767 года «Наказ» был уже готов и вручен комиссии, а в январе того же года она писала к Даламберу о ходе своих работ: «Более половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и, Бог ведает, что станет с остальным; однако придется решиться к назначенному мною сроку». Таким образом, за шесть месяцев до начала занятий комиссии императрица еще сама не знала, что выйдет из ее труда, долженствовавшего направлять деятельность этой комиссии.

Неудивительно после этого, что «Наказ» далеко не всегда дает определенные правила в руководство составителям уложения и даже не отличается единством направления.

Переводя и применяя к нашим потребностям, как их понимала сама императрица, мысли Монтескье, она по множеству вопросов дает не начала законодательства, которые стоило бы только развить в отдельные положения, чтобы получить целое уложение, а указывает лишь общее, и часто довольно неопределенное направление этого законодательства, а нередко ограничивается просто приведением разных примеров из иностранных законодательств, не делая из них никакого определенного вывода.

«Надлежит установить порядок неподвижной для наследования», — говорит «Наказ», но какой? Сколько-нибудь определенного ответа на этот вопрос тщетно будем искать в «Наказе». Сделав некоторые указания на римский и греческий порядок наследования, императрица заключает: «мое намерение в сем деле склоняется более к разделению имени». Но наследование по частям или без деления на части — это только один из множества вопросов наследственного права. По всем остальным нет никакого указания, да и приведенное отличается крайней неопределенностью. Какого деления желает императрица?

У нас и до вступления ее на престол имения делились между наследниками. Довольна она прежним порядком или нет?

«Полезно сделать учреждение об опекунстве», — говорит «Наказ» далее, но какое, опять умалчивает, ограничиваясь указанием на то, что опека должна быть «для малолетних, безумных и тому подобных». Но у нас и прежде была опека, и не только для малолетних и безумных, но и для расточителей и жестоких помещиков, и правила ее, во всяком случае, были определеннее правил «Наказа».

Старые законы не должны иметь значения «правила» для составителей нового уложения; «Наказ» же, который надо было считать за правило, не обнимал и сотов части всей сложной системы права.

Неполнота «Наказа» не укрылась совершенно от прозорливости императрицы; но можно думать, что относительно меры этой неполноты у ней не было точного представления, и практическую пригодность своего труда она значительно преувеличивала*. «Как нет ничего совершенного, что человеком сочинено, — говорит заключительная статья «Наказа», — то если откроется в производстве, что на какие ни есть учреждения в сем “Наказе” правила еще не положено, дозволяется просить дополнения». Это гордое сознание, что «Наказ» может иметь несовершенства, свойственные всем трудам рук человеческих, так и наводит на мысль, что Екатерине Великой казалось, что она почти на все положила правила, тогда как в действительности трудно найти вопрос, по которому не пришлось бы просить дополнения. То же преувеличение практического значения «Наказа» подсказало императрице и 525 статью его, в которой авторское самолюбие предписывало «наказ сей читать в комиссии единожды в начале каждого месяца до окончания комиссии». «Наказ» — объемистый труд в 90 страниц (с дополнением к нему), для прочтения его нужно было несколько заседаний, которые ежемесячно тратились, как в большой комиссии, так и во всех частных, совершенно непроизводительно.

Рядом с крайней неполнотой основных начал законодательства «Наказ» страдает и шаткостью своих общих оснований. Стремление к «новому» уложению было внушено императрице

---

* Это понятно ввиду тех льстивых отзывов, которые приходилось выслушивать государыне от своих придворных. «Все те, которые видели мою работу, — писала она г-же Жоффрэн, — единодушно говорят, это верх совершенства, но мне кажется, что еще надобно почистить...»

сочинениями энциклопедистов, их борьбой с средневековым порядком вещей. Но рядом с энциклопедистами Екатерина Великая не с меньшим увлечением изучала Монтескье. Из его книги освоилась она с идеей о произвольности законов, о соответствии их с характером народа, страны и другими условиями человеческого быта. Эти два совершенно разных направления, благодаря спешности работы, остались в «Наказе» непримиренными. Как ревностная ученица Монтескье, государыня высказывает мысль, что «законоположение должно применять к народному умствованию, ибо мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, следуя природной нашей склонности». Если это верно, то едва ли было нужно вперед возвещать депутатам, что они должны сочинить «новое» уложение, ибо трудно допустить, чтобы все историческое право не соответствовало народному умствованию и подлежало замене новым. Еще менее нужно было сочинять какой-либо «Наказ» в руководство комиссии. Народное умствование депутаты, конечно, принесли с собою: надо было только прислушиваться к нему. Тем не менее Екатерина написала «Наказ», в котором даны комиссии обязательные правила. Некоторые из этих правил выведены из сравнения постановлений разных иностранных законодательств на основании указаний «здравого разума». Что делать, если правила, выведенные императрицей на основании «здравого разума», не сойдутся с народным умствованием депутатов? Случай очень возможный. По правилам «Наказа» попытка ни на что не нужна, а по народному умствование она считалась полезной и применялась в судах еще при императоре Александре I. По правилам «Наказа» за кражу не должно было казнить смертью, а по народному умствование конокраду и теперь еще надо голову рубить. «Что батюшка ему (конокраду) тюрьма-то, — говорили еще недавно крестьяне Орловской губернии своему мировому судье, — кабы ты по закону-то, по-Божьему, ему голову отрубил, так бы полно ему нас разорять-то; да и другому не повадно бы было».

Исходные точки «Наказа» представляют, таким образом, безвыходное противоречие.

До сих пор сказанное дает нам право сделать такое заключение. На комиссию была возложена задача необыкновенной трудности: она должна была составить новое уложение по всем частям права. Полной свободы действия ей не было предоставлено: она должна была руководствоваться правилами «Наказа». «Наказ» же далеко не давал определенных правил по всем частям законодательства и нередко страдал непоследовательностью основных своих начал.

Мы видели, что «Наказ» был плодом весьма спешной работы: в январе 1767 года, когда манифест о созвании депутатов был уже обнародован и назначено время их собрания, императрица еще не знала, какие начала она предложит им в руководство. Но женщина, так богато одаренная от природы, как Екатерина Великая, и так близко стоявшая к практическим потребностям государственной жизни, очень скоро должна была усмотреть недостатки первоначальной постановки трудов комиссии. Действительно, не прошло и года со дня открытия заседаний депутатов, как недостатки эти были уже ей ясны.

В конце мая 1768 года она нашла нужным написать «три урока» в наставление частной комиссии о порядке государства в силе общего права. В предисловии к этим урокам она говорит: «комиссия к своему делу не может приступить, не узнав совершенно то, что в государстве нашем теперь делается, от чего следует сведение, в чем иногда недостаток, ибо перемена не для произвольной перемены должна быть сделана, но для поправления недостаточного, если что сыщется, а хорошее и полезное от оной изъемлетса, потому что оно всегда в своей силе остаться должно...»

Работам комиссии дается здесь иное и гораздо более практическое направление: она не должна сочинять нового, а только исправлять недостатки старого. Это задача более определенная и легче исполнимая. Но дело было уже сделано: манифест, «Наказ», распоряжения дирекционной комиссии — все было проникнуто крайне туманным стремлением к новому уложению. Это неясное направление руководило работами комиссии уже целый год. Поставить их на новую почву можно было не специальным наставлением одной из частных комиссий, а общими мерами, которые касались бы деятельности всей комиссии, чего, однако, не было сделано. Почва под ногами депутатов осталась до конца зыбкой.

Состав комиссии занимал мысли императрицы, может быть, не менее «Наказа». Из черновых бумаг ее, хранящихся в общем собрании с.-петербургских департаментов Сената, видно, что первоначальное составление плана выборов было поручено князю Вяземскому, обер-прокурору Всеволожскому, генерал-реткетмейстеру Козлову и господину Кузьмину, в руководство которым государыня дала несколько основных мыслей. Но план, выработанный этими лицами, был потом значительно изменен самою императрицею. Остановимся же на составе комиссии, чтобы судить о том, с кем желала совещаться Екатерина Великая, и кто и как отозвался на ее призыв.

Первый вопрос, который здесь возникает, есть вопрос о том, кому дано было право прислать представителей и по каким округам должно было происходить избрание?

Желая совещаться с представителями страны и выслушать их нужды, императрица, при всем стремлении к новизне, должна была иметь дело с существующим уже обществом и в тех его подразделениях, которые сложились исторически. Россия XVIII века есть государство сословное. Чтобы узнать нужды России, надо было выслушать представителей от сословий: каждое сословие имело свои особые права и обязанности, только ему известные. Согласно с этим фактом, Екатерина пригласила прислать выборных отдельные сословия: дворян, горожан, казаков и свободных сельских обывателей*. Но и здесь дело не обошлось без отступления от существующего исторического строя общества и также в духе энциклопедистов. Сословие духовенства вовсе не было приглашено прислать депутатов, — черта, понятная в государыне, которая так дорожила добрым мнением Вольтера**. Состав екатерининской комиссии, таким образом, существенно отличался от состава наших московских соборов: сословие, которому принадлежало такое видное место в земских соборах, вовсе не было допущено в комиссию. Из лиц духовного звания в комиссии заседал только один член, митрополит новгородский, Димитрий. Но он был представителем не духовенства, как сословия, а Синода, как государственного учреждения, наравне с представителями других государственных учреждений: Сената, коллегий и пр., которым также дано было право прислать депутатов.

Нельзя сказать, чтобы эта особенность (которая, кстати заметить, не укрылась от внимания тогдашнего английского посла при нашем дворе, лорда Каткарта)⁴ согласовалась с другими распоряжениями императрицы, и чтобы сама комиссия не

* Так по обнародованному обряду выборов. Из черновых же бумаг императрицы видно, что она пришла к этим сословиям не без некоторого колебания. В плане выборов, составленном кн. Вяземским и др., различены следующие группы избирателей: дворяне, купцы, цеховые, однодворцы, государственные крестьяне, запорожское войско, донское и другие казачьи войска. Черновой список обряда, написанный рукою императрицы, тоже различает цеховых и мещан, как особую группу избирателей, от купцов. Это различие, конечно, имеет свое основание в различном положении купцов и цеховых.

** Законы о церковных имуществах также не остались, конечно, без влияния на это устранение духовенства.

почувствовала скоро ее неудобств. Екатерина Великая не была той мысли, что депутаты не должны касаться законов, относящихся до духовенства. Наоборот, она сама указала на необходимость учреждения духовно-гражданской комиссии, которая должна была не только остановиться на вопросах личного положения духовенства, но принять меры, чтобы не вкравлись какие-либо злоупотребления в наружное исполнение духовных обрядов, определить числа праздничных дней, способ их чествования и пр. Дирекционная комиссия еще в августе 1767 года рассуждала об учреждении частной комиссии для духовных дел, но нашла, что учредить ее не из кого, так как в комиссии был всего один член духовного звания. А между тем учредить эту комиссию было необходимо. В мае следующего года духовно-гражданская комиссия была, наконец, учреждена, но вот в каком составе, — в нее вошли: прокурор адмиралтейской коллегии Иван Фурсов⁵, статский советник Василий Баскаков⁶, генерал-майор князь Волконский⁷, генерал-майор Опочинин⁸ и поручик лейб-гвардии конного полка Потемкин. Вот те лица, которые были призваны выработать проект духовно-гражданского законодательства. Надо думать, что они были в большом затруднении. Этим, может быть, и следует объяснить скоро последовавшее затем изменение состава комиссии: оба генерала и поручик лейб-гвардии конного полка вышли, а на место их были избраны: Петр Кривский, депутат бахмутского дворянства, Иван Бантыш-Каменский, депутат от нижних чинов черного и желтого гусарских полков, и канцелярист духовного правления Иван Сухопрудский, депутат от города Углича. Если, несмотря на невозможность, при отсутствии депутатов от духовенства, правильно организовать духовно-гражданскую комиссию, эта комиссия тем не менее выработала подробный, пространно мотивированный план законодательства по своей части, это надо объяснять тем, что выборы происходили иногда с отступлением от предписанного императрицей обряда, благодаря чему в комиссию и вошли лица, знакомые с положением духовенства. <...>

Духовенство империи не представляло мощной организованной силы, но совершенно игнорировать его было ошибкой. Интересы его также нуждались в представительстве: исключенное от законного участия в комиссии духовенство старалось проникнуть в нее окольными путями.

Другое отступление от начала словосности выборов было сделано уже при самых выборах, в С.-Петербурге и Москве, исполнителями воли государыни. Выборы городских депутатов Пе-

тербурга и Москвы были сословные. «Лица высших государственных чинов сидели между гражданами всякого звания. Эти сановники, дабы более применить себя к бывшим тут прочим гражданам, приехали в собрание, не имея на себе никаких орденских знаков или других отличий» (Поленов Д. В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового уложения. СПб., 1869. Ч. I. С. 10). Представителем Петербурга был избран генерал-поручик и кавалер граф Алексей Орлов, представителем Москвы — генерал-аншеф и кавалер князь Голицын. Этим избранием два важнейших пункта нашей городской жизни вовсе остались без представителей. Граф Орлов и князь Голицын могли быть представителями дворянства, но интересы купечества, цеховых, ямщиков и других разрядов городских жителей были им, конечно, совершенно чужды*. Такой характер выборов не мог не отразиться печальным образом и на наказах, составленных в этих городах... <...>

Сближение сословий есть великое дело, к которому должно стремиться каждое законодательство. Екатерининская комиссия, в состав которой были призваны почти все сословия, необходимо должна была повести к этому сближению, ибо дело отдельных сословий она возводила в дело общегосударственное. Но производить выборы представителей среднего сословия и писать от него наказ дворянам, графам и князьям вместе с купцами, цеховыми и ямщиками не имело никакого основания. Высшее сословие только по зимам стекалось в свои роскошные московские палаты для развлечений светской жизни; служб и повинностей городских оно не несло и не знало. Ему были известны одни удовольствия городской жизни, а не тягости ее и недостатки. Соединение лиц высшего сословия в один избирательный округ с купцами, цеховыми и ямщиками повело только к тому, что настоящие граждане уклонились от участия в деле законодательства. Всесословные выборы Москвы и Петербурга, так живо описанные почтенным издателем актов комиссии, представляют единственно либеральную декорацию во вкусе просветительной философии XVIII века.

Всесословность выборов, не отвечавшая существу жизненных отношений того времени, не оправдывалась и с формальной точки зрения права. По обряду выборов депутаты должны были быть высланы городом. В понятие же города, как оно установлено законодательством Петра Великого, которое дей-

* Дворяне Петербургского уезда вовсе и не послали от себя особого представителя, вероятно, в том соображении, что они уже достаточно представлены городским депутатом.

ствовало и в момент выборов, высшее сословие не входило*. Это отступление городских выборов Москвы и Петербурга от начала сословности сделано, конечно, не без ведома императрицы и служит только новым доказательством недостаточной твердости основных начал, с которыми она приступила к великому делу созвания законодательной комиссии.

Всесословные выборы, точно так же как и выборы с участием духовенства, представляются исключением. Обыкновенно же выборы в городах производились городскими жителями в тесном смысле этого слова, т. е. купцами, цеховыми, ямщиками, канцелярскими чиновниками и пр.

Но дело выборов далеко не происходило так просто и единообразно, как можно подумать, читая написанный Екатериною обряд, в котором вовсе не приняты к соображению исторические особенности разных мест. Понятие города, как совокупности людей среднего сословия, возникшее только с Петра, далеко не успело еще объединить во всех городах империи всех городских жителей (в этом тесном смысле) в одно сословие; кроме того, жители некоторых городов по разным причинам состояли на особом положении. Благодаря этому городское население многих городов империи распадалось на отдельные группы, различавшиеся правами и обязанностями. Вследствие этого в некоторых городах, жители которых разбивались на такие группы, представлялось совершенною невозможностью, чтобы все избиратели соединились на одном депутате или снабдили бы его одним наказом... <...>

Также не вполне соответствовали обряду и выборы депутатов сельского населения и по той же причине: по незнакомству составителей обряда с положением сельского населения. По обряду, каждой провинции дано право прислать по одному депутату от следующих трех разрядов свободных сельских обывателей: однодворцев, пахотных солдат и черносошных крестьян. Но, во-первых, эти разряды не исчерпывают всех видов свободного сельского населения того времени (здесь не упомянуты, например, половники, ясачные, приписные к заводам), а во-вторых, обряд требует присылки разных депутатов от таких разрядов, между которыми в то время уже было весьма трудно провести разграничительную черту (таковы, например, однодворцы и некоторые виды пахотных солдат). Вследствие этого, когда приступили к выборам, пришлось, с одной стороны, допустить к

---

* В черновых набросках вместо депутата от города прямо говорится о депутате от купцов.

участию в них крестьян, в обряде не упомянутых (половников, ясачных, даже экономических, а в некоторых местах и дворцовых); а с другой — однодворцы некоторых местностей прислали общего депутата с прежних служб служилыми людьми, которые были те же пахотные солдаты и должны были бы прислать отдельного депутата.

Выборы депутатов от дворян, благодаря большему единообразию этого сословия, не подали повода к таким отступлениям от обряда... <...>

Представители дворян состояли на две трети из военных людей, число которых доходило до 109 (в том числе 17 отставных). Большая часть военных были штаб-офицеры — 83 человека, в том числе 30 генералов. Большинство депутатов гражданской службы также принадлежало к высшим чинам, с асессора начиная. Сенаторов было 11 человек. Этот чиновный состав дворянских депутатов совершенно в духе времени. Освобождение дворян от обязательной службы состоялось только в 1762 году. Манифест о выборе депутатов нашел их еще всех на службе. Если выбирали служащие дворяне, то, понятно, кто большего дослужился, тот и был в их глазах лучше. Другой мерки не могло быть.

Другим характером отличаются представители городов. Великороссийские города были почти исключительно представлены купцами, число которых доходить до 173; остальные городские депутаты — мещане, секретари магистратов, духовных правлений и т. п. Некоторые малороссийские города прислали казаков: сотников, полковых писарей и т. п.

Сельское население исключительно выслало депутатов из своей среды: черносошных крестьян, однодворцев и т. п.

Депутаты от казаков, приведенные в 3-й рубрике, представляют собою низшие чины казацкого войска. По роду жизни это те же крестьяне, но обязанные нести с принадлежащих им земель военную службу на своем содержании. Они также были исключительно представлены лицами своей среды: казацкими сотниками, старшинами, а в большинстве случаев простыми казаками. На все число депутатов от казаков встречаем не более двух-трех депутатов, выбранных из офицеров.

Под рубрикой иноверцев соединены представители от татар, разных наименований, самоедов, башкир, черемисов, мещеряков, калмыков и других инородцев, принадлежавших к сельскому населению, которые по большей части и русского языка не знали, а потому им и было предоставлено право выбрать себе в помощь особых лиц под именем опекунов.

Вопросы, подлежащие обсуждению комиссии, должны были решаться большинством голосов. Хотя дворянство и высшие чины были хорошо представлены, но численное большинство было далеко не на их стороне, и в случае столкновения они всегда остались бы в меньшинстве. Не этим ли надо объяснять тот знаменательный факт, что высшие сановники, за небольшими исключениями*, почти вовсе не принимали участия в прениях?

Хотя в результате выборов надо было ожидать именно такого отношения числа представителей разных сословий, но есть основание думать, что результат этот не мог удовлетворить императрицу. Она смотрела на дворянство как на опору монархии и, конечно, была бы более довольна, если б этому сословию принадлежал и численный перевес голосов. При выборах членов в дирекционную комиссию императрица, которой принадлежало право утверждать выборы, утвердила только лиц высокопоставленных, не допустив в состав комиссии ни одного мелкого человека. Это также указывает на симпатии государыни, которым состав комиссии далеко не удовлетворял. Перейдем теперь к вопросу о том, насколько сочувственно отнеслось население России к доверчивому обращению к нему императрицы. Сочувствие населения должно было выразиться в его желании воспользоваться предоставленным ему правом выслать депутата из каждого округа, в котором были избиратели. К сожалению, имеющиеся у нас под руками материалы не дают возможности исчерпывающим образом ответить на этот вопрос, так как у нас нет достаточных сведений о том, в каких уездах были дворяне и свободные сельские обыватели и в каких нет. Мы знаем города и уезды, из которых депутаты были присланы, но не можем сказать, что города и уезды, которые депута-

* Число депутатов из высших чинов, от генерала и действ. стат. совет. начиная, доходило до 35 человек (мы не включаем сюда представителей от правительственных учреждений, о которых речь будет ниже). Из них только 11 человек приняли участие в прениях, в течение первых 100 заседаний; и из этих 11-ти только трое говорили по 2 раза, остальные же 8 только по одному. Двадцать же четыре человека, т. е. более $\frac{2}{3}$, не приняли никакого участия в прениях. В числе их находятся и такие сановники, как граф Захар Чернышев, вице-президент Военной коллегии, генерал-аншеф, сенатор, граф Н. И. Панин, генерал-аншеф, кн. А. М. Голицын, позднее фельдмаршал, действ. стат. совет. Дмитрий Волков, президент мануфактур-коллегии, сенаторы: кн. Вяземский, кн. Трубецкой, Желябужский и др., генерал-поручик, генерал-адъютант, граф Алексей Орлов и пр.

тов не прислали, сделали это по нежеланию участвовать в комиссии. Факт неприсылки может объясняться и тем, что в некоторых округах вовсе не было дворян или других избирателей.

Число свободных сельских обывателей в это время невелико, и могли быть целые уезды, в которых их вовсе не было. Этим объясняется сравнительно небольшое число представителей от крестьян в таком крестьянском государстве, какова Россия. Но для правильной оценки его надо иметь в виду следующее. Избирательным округом для сельского населения была принята гораздо более крупная единица, чем для двух других сословий. Дворяне высылали депутатов от каждого уезда, горожане от каждого города, сельское же население только от целой провинции, заключавшей в себе несколько городов и уездов. Таким образом, представителей сельского населения и должно быть меньше. Но за каждым сельским депутатом стояло гораздо более избирателей, чем за городским или дворянским. Они представляли все погосты или сельские общества своей провинции и получали отдельные указы от каждого погоста. Депутат Чупров, например, единственный представитель крестьян Архангельской провинции, привез с собою 195 наказов от уездов: Важского, Кольского, Пустозерского, Мезенского, Кеврольского и Двинского. Тут были указы от черносошных крестьян, ясачных, дворцовых и бывших экономических. В одном Двинском уезде считалось тогда 20 543 души черносошных крестьян и 10 913 душ экономических. Эти цифры дают понятие о той массе интересов, представителем которых явился Чупров. В двух других провинциях Архангельской губернии, которые выслали также по одному депутату, был составлен еще 241 наказ. Цифра всех крестьянских наказов (с казацкими и иноверческими) доходит до 1066. Таким образом, около половины (496) всех крестьянских наказов приходится на Архангельскую губернию. Этот громадный процент свободного сельского населения, выпадающий на одну губернию, объясняется тем, что новые московские порядки всего менее коснулись этой отдаленной области, сохранившей наиболее остатков домосковской старины. Но из сравнительно небольшого числа общин, приходящегося на остальную Россию, нельзя еще делать заключения, что их именно столько и было и что все они прислали депутатов. Как не все горожане и даже дворяне воспользовались предоставленным им правом, так, конечно, и не все крестьяне. Мы знаем, например, что в Ямбургском уезде, Петербургской губернии, и Новолодожском, Новгородской были свободные сельские обыватели, а депутатов от них не было. По смыслу обряда выборов, сельское

население даже не было обязано прислать депутатов. Ему было только предоставлено право, которым оно могло и не воспользоваться.

Полное отсутствие представителей крестьянского населения губерний Малороссийской, Лифляндской и Эстляндской объясняется взглядом императрицы на тамошних крестьян, которых она считала крепостными (Сборник ИРИО, т. X, с. 286), и которые поэтому не были приглашены к выборам. Сравнительно большая цифра крестьянских депутатов Казанской губернии объясняется значительным числом инородцев, принявших православие, которые одни выслали 14 представителей.

Особенно в большом числе явились представители от городов. Цифра их на 47 человек превышает цифру депутатов от уездного дворянства. Но это надо объяснять не большею их ревностью к делу сравнительно с дворянами, а тем, во-первых, что некоторые города, как Астрахань, Тула и др., прислали по нескольку депутатов, тогда как дворяне высылали всегда по одному на уезд, а иногда по одному и на два, и, во-вторых, депутаты от среднего сословия были присланы не только от уездных городов, но и от некоторых пригородов, слобод и посадов, которые уездов не имели.

Положение дворян этого времени было исключительно привилегированное. Пользуясь уже значительной долей земных благ, некоторые из них совершенно равнодушно отнеслись к законодательной комиссии, которая имела целью сделать подданных империи счастливыми. Так поступили муромские дворяне. Они выслали депутата, но в наказе, ему данном, прямо заявили, что по довольно общему рассуждению всего муромского дворянства не нашли никаких нужд и отягощений, которые нуждались бы в исправлении. Этим заявлением, конечно, и новое законодательство, поскольку оно касается дворян, признавалось излишним. Они, очевидно, считали уже себя счастливыми и при старом порядке вещей. Дворяне некоторых других уездов и вовсе депутатов не выслали. Таковы уезды: Масальский, Кологривский, Цивильский, Звенигородский, Лебедянский, Сокольский и Землянский. Некоторые из них ссылались при этом на свое малолетство!*

* Крупная цифра дворянских и городских представителей Московской губ. объясняется сравнительно большим числом уездных городов, входивших тогда в состав этой губернии. К Москве было приписано более 54 уездов, которые теперь разделены между 8 отдельными губерниями: Московской, Костромской, Ярославской, Калужской, Тульской, Владимирской, Рязанской и Тверской.

Но мы сделаем большую ошибку, если подумаем, что к великому начинанию Екатерины равнодушно отнеслись только некоторые из дворянских избирателей. Как бы ни было велико дело, нарождающееся в обществе, всегда и во всякой среде найдутся равнодушные. Между горожанами они также были, хотя и по другой причине, по крайней бедности и недосугу оторваться от ежедневных забот дня. Горожане Лебедянска, Сокольска, Землянска, Ливн, Ефремова, Новосиля и Данилова не прислали депутатов. В четырех последних городах, как видно из заявлений депутатов, даже вовсе не было купечества; неторговому же городскому населению, которое нередко находилось еще в худшем положении, чем крестьяне, было, конечно, не до законодательства на новых началах. Таких примеров неприсылки депутатов и притом от всех сословий можно было бы набрать и еще несколько... <...>

Всякое новое дело, как бы ни было оно само по себе хорошо, крепнет и становится на ноги только с течением времени и при умелом и заботливом уходе. А потому ни равнодушие некоторой части избирателей к своему новому праву, ни промахи администрации не должны нас смущать. Они не составляют особенности нашей русской природы и при известных условиях встречались везде и всегда будут встречаться.

Если высшая администрация находила возможным требовать присылки депутата «за караулом», то еще менее можно удивляться тому, что депутаты не всегда пользовались должным уважением со стороны населения. Во время зимнего перерыва заседаний комиссии, за которым последовал переезд ее из Москвы в С.-Петербург, Чупров, депутат от крестьян архангельской провинции, ездил к себе на родину. На одной из станций Олонецкого уезда ямщики требовали с него с шумом и бранью уплаты двойных прогонов. Чупров не хотел подчиниться незаконному требованию, убеждал крестьян исполнить свою обязанность согласно положению и указывал им на свое звание депутата. Ничто не подействовало, ямщики продолжали шуметь и даже пбили Чупрова, не подозревая, конечно, что они бьют деятельного члена законодательной комиссии, который не раз поднимал свой голос в защиту крестьянских интересов.

Перед обнародованием манифеста о созвании представителей у императрицы Екатерины были некоторые сомнения относительно того, захочет ли население Малороссии, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии прислать выборных. Среди отдельных мыслей императрицы, данных в руководство князю Вяземскому и другим лицам, которым было поручено составить план

выборов, между прочим, встречаем и такую: «Малороссии, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии отдается на волю при-слать депутатов. А не пришлют, останутся на таком основании, как ныне, пока не будут бить челом об уравниении». Императрица опасалась, что эти части империи не захотят принять участия в общем законодательстве. Но она не сомневалась, что новое законодательство, выработанное по указаниям ее «Наказа», доставит гораздо более счастья малороссам, остзейцам и финляндцам, чем то, которым наслаждались они под покровом их старых привилегий, а потому и выражала надежду, что они будут бить челом об уравниении. До этого же челобитья они должны были, как бы в наказание, оставаться при старых правах. В обнародованный обряд выборов это опасение не перешло. <...> По отношению к Малороссии эти опасения были поддерживаемы в императрице донесениями графа Румянцева, тогдашнего генерал-губернатора Малороссии. От 2 марта 1767 года он писал государыне: «Новый проект уложения не производит здесь во многих больших такого действия и признания вашего императорского величества благоволения, не переменяет наклонности их, ни рассуждения. Многие истинно вошли во вкус своевольства до того, что им всякий закон и указ государский кажется быть нарушением их прав и вольностей; отзывы же у всех одни: зачем бы нам там и быть? Наши законы весьма хороши, а буде депутатам быть, конечно, уже надобно, только разве б искать прав и привилегий подтверждения...» * Рассматривая, однако, список малороссийских депутатов по уездам и городам, мы должны прийти к заключению, что опасения императрицы не оправдались: малороссийские дворяне и горожане явились в комиссию вовсе не в меньшем числе, чем дворяне и горожане других местностей. Если не все округа были представлены, то то же явление встречается, как мы видели, и в Великороссии. Также не оправдались опасения императрицы и по отношению к остзейским провинциям и Выборгской губернии:

* Русский вестник. 1861, I, 35. В этой же статье приведены и ответные письма государыни к Румянцеву, из которых видно, с какой ясностью мысли и спокойствием духа отнеслась она к запугивающим донесениям своего генерал-губернатора: «Из писем ваших усмотрела я, — пишет государыня, — препятствия, кои в вашем месте встретил известный манифест 14 декабря 1766 года. Однако же я их почитаю за весьма маловажные, а только они означают умоначертание прежних времен, кои несомненно исчезнут, понеже ни вы, ни я не дадим им никакого уважения тут, где они не сходственны с общим добром».

эти местности сравнительно были представлены не слабее других. Участие представителей их в трудах комиссии далеко не ограничивалось одною защитою местных привилегий: некоторые из них не менее великороссийских депутатов участвовали и в прениях по вопросам общего законодательства; проект же крестьянских прав был весь сочинен лифляндским депутатом, бароном Унгерн-Штернбергом⁹. Екатерининская комиссия несомненно могла явиться прекрасным средством объединения разных частей нашей обширной и не везде единоплеменной империи.

Мы обозрели состав комиссии, насколько члены ее являются представителями населения в его подразделениях на сословия. Но Екатерина Великая не думала ограничить состав комиссии только депутатами от населения. Она призвала в нее еще депутатов от высших правительственных учреждений: Сената, Синода, коллегий и главных канцелярий. Кроме того, все губернаторы должны были представить свои соображения и также входили в состав комиссии всякий раз, как приезжали в Москву или Петербург, куда были перенесены заседания ее с февраля 1768 года. Эти представители от учреждений дополнили собой состав чиновных членов комиссии еще 28 чиновниками, в числе которых было 7 действительных тайных, тайных советников и военных генералов; остальные же принадлежали к чинам до 8 класса включительно... <...>

Депутаты Сената и коллегий приглашались, конечно, в том соображении, чтобы законодательная комиссия имела возможность выслушать людей, знакомых с практикой применения законов. Но по обряду управления комиссией каждая частная комиссия, выработав какой-либо проект, должна была пригласить в свое заседание то учреждение в полном его составе, деятельности которого касался выработанный проект, и обсудить его вместе с ним. Затем проект нового уложения, по окончательной разработке его в комиссии, подлежал еще внесению в Сенат, который должен был рассмотреть его вместе со всеми коллегиями.

Таким образом, для выслушания мнений правительственных учреждений были приняты гораздо более действительные меры, рядом с которыми допущение особых депутатов от правительственных учреждений представляется не имеющим цели.

Не достигая никакой цели, особое представительство учреждений должно было невыгодно отразиться на делопроизводстве этих учреждений. Мы видели уже, что и помимо специальных депутатов от Сената и коллегий в состав комиссии, путем выборов от дворян, вошло более 25 чиновников, членов этих выс-

ших учреждений. Вместе с специальными представителями цифра их доходит до 53 человек. Заседания комиссии происходили по утрам и должны были продолжаться в течение нескольких лет. Высшие правительственные учреждения, лишившись такого значительного числа членов, едва ли могли справиться с своими текущими делами. Неудобства этого порядка вещей дали себя знать сейчас же по открытии заседаний комиссии и вызвали именной указ императрицы от 11 августа 1767 года, которым должностным лицам Сената и коллегий предписывалось присутствовать в комиссии только два дня в неделю, а остальное время они должны были посвящать текущим делам в своих присутствиях. Участвуя в комиссии только два дня из пяти (комиссия обыкновенно собиралась пять раз в неделю), могли ли они быть деятельными и полезными ее членами? В декабре того же года, при переезде комиссии из Москвы в Петербург, последовало новое распоряжение, в силу которого все депутаты-чиновники, занимавшие в московских присутственных местах главные должности (сенаторов, председателей, главных судей и пр.), должны были остаться в Москве и, следовательно, совсем перестали принимать участие в заседаниях комиссии, но выгодами депутатского звания, жалованьем и другими им всемилостивейше предоставлено пользоваться.

Участие высших чинов было, таким образом, более кажущееся, чем действительное. Мы выше указали уже на то, что они принимали очень малое участие в прениях. Это было необходимым, хотя и не преднамеренным со стороны императрицы следствием ее собственных предписаний: если все то, что могла выработать комиссия, должно было еще рассматриваться в соединенном присутствии Сената и коллегий, то зачем же высокопоставленным членам этих учреждений тратить время и труд на прения в комиссии, большинство которой состояло из лавочников, крестьян и казаков, которых можно было пересылать за караулом и среди которых, естественно, они должны были чувствовать себя не на своем месте? *

---

* Из 28 представителей правительственных учреждений приняли участие в прениях в течение первых 100 заседаний только 14 человек и из них только 8 говорили более двух раз. В числе не участвовавших находим депутатов: Сената, герольдмейстерской конторы, коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, мануфактур-коллегии, коллегии экономии и судного приказа, которым представлялся не раз случай высказаться. Но если принять в соображение, что депутаты правительственных учреждений не всегда выходили торжествующими из прений, что мнения их подверга-

Сравнивая состав екатерининской комиссии с составом земских соборов Московского государства, нельзя не прийти к заключению, что московские государи поступали практичнее. Они не исключали из состава земских соборов духовенства, которое играло в древней России весьма важную роль и не только как учреждение чисто религиозное, но и по влиянию его на наше светское право. Значение духовенства с самого начала императорской эпохи весьма умалется; но нельзя сказать, чтобы роль его в половине XVIII века была окончательно сыграна и исключение его оправдывалось тогдашним «народным умствованием». С другой стороны, московские государи, призывая вместе с представителями земли и высшие чины служебной иерархии, иногда, по крайней мере, предписывали им иметь совещание особо от первых, не смешиваясь с ними. Этим примером следовало воспользоваться и организовать комиссию в форме двух палат, отчего дело законодательства могло только выиграть. Не всякое государство может гордиться особым словом, которое оказало бы его развитию такие же услуги, какие оказала Англии ее аристократия; но в каждом есть ряды лиц, проникнутые аристократическими предрассудками. Не обладая тою силой, какой в свое время обладали пэры Англии, они все же сила, ибо в их руках все важные административные и судебные должности. Дать им свою долю участия в деле законодательства также необходимо. С пользой его может быть сделано только путем выделения их в особую палату, иначе они отнесутся к законодательному предприятию с таким равнодушием, которое уронит его в самом начале.

Последний вопрос, на который надо обратить здесь внимание, относится к свободе выборов и составления наказов, кото-

---

лись внимательной критике, что случилось, например, с стат. совет. Межениновым, депутатом коммерц-коллегии, обнаружившим недостаточное знание условий нашей торговли, как это выяснилось из возражений купцов на его голос, или с коллежским советником бароном Аш¹⁰, депутатом медицинской коллегии, несостоятельность мнения которого о том, что медицинская коллегия приняла уже все необходимые меры для врачебной помощи деревенским жителям и что они не нуждаются ни в каких улучшениях по этой части, подала повод сержанту тенгинского пехотного полка Самсонову произнести против него речь, хотя и совершенно справедливую, но проникнутую весьма едкой иронией, что, конечно, не могло понравиться генеральному штаб-доктору армии, звание, в котором состоял барон Аш, если мы примем в соображение возможность такой неприятной случайности, то воздержание от прений правительственных депутатов будет совершенно понятно.

рыми должны были избиратели наделить своих представителей.

Что касается свободы выборов, то мы не имеем основания думать, чтобы она была в каком-нибудь отношении стеснена и чтобы администрация стремилась не допустить до выборов неугодных ей кандидатов и, наоборот, облегчала выборы людей ей приятных. Эти приемы современной администрации конституционных государств были чужды России XVIII века. Вера в благие намерения верховной власти была преобладающим чувством населения того времени. Правильной оппозиции правительству, которая достигает опасных для него размеров только благодаря своекорыстным стремлениям его органов, еще не было, так как не было и самой почвы, на которой она могла бы действовать, а потому у администрации не было и повода ко вмешательству в выборы. По обряду выбора депутатов от дворян и горожан участие администрации имело место только при избрании дворянских предводителей и городских голов. Как скоро эти лица были избраны, самое избрание депутатов совершалось уже без участия администрации; всем делом избрания руководил избранный из среды сословия старшина. У крестьян выборами руководил местный представитель администрации, но, конечно, не для влияния на выборы, а только для наблюдения за порядком, и потому, что крестьяне уезда и провинции не составляли отдельного целого, а Екатерина не находила еще возможным дать им особого сословного представителя, в роде предводителя дворянства или городского головы... *

Порядок, которому должна была следовать комиссия в своих занятиях, составляет существеннейшую сторону дела. На комиссию была возложена столь обширная и сложная работа, что ей надо было очень и очень подумать о том, как устроить и довести до конца свое беспримерно-трудное дело.

Императрица Екатерина понимала всю важность этого вопроса, но, как и в деле основных начал законодательства, она не находила возможным предоставить самой комиссии выработать порядок своих занятий, а определила его сама. С этую целью она написала известный обряд управления комиссией **.

* Утверждение Генриха Ширлея, что императрица «озаботилась составить комиссию лишь из таких лиц, которые будут подчиняться ее предписаниям» (Сборник ИРИО, т. XII, с. 330), совершенно несправедливо.

** Сенатор Бибилов в жизнеописании своего отца¹¹ говорит, что обряд управления комиссией и наказ генерал-прокурору и маршалу сочинен его отцом, с. 85, прим. К сожалению, он не указывает, на

Не исчерпывая всего содержания этого обряда, мы ограничимся разбором тех его положений, которые имеют наибольшее значение.

Первое заседание комиссии имело состояться под председательством генерал-прокурора, который должен был пригласить депутатов избрать себе предводителя, или маршала, т. е. председателя комиссии. Этому маршалу обряд предоставляет право руководить всеми дальнейшими действиями комиссии: он назначает час и место заседаний, вносит в комиссию предметы для обсуждения, управляет прениями и ставит вопросы для решения, собирает голоса, в случае разделения их дает членам время для соглашения, в случае же разделения поровну должен стараться согласить их и снова собрать голоса. Только исходящие от маршала предложения подлежат обсуждению собрания. Никто из членов не имеет права поставить какой-либо вопрос и довести его до обсуждения собрания. Итак, маршал является

чем основано это утверждение. В Библиотеке Императорской Академии наук, среди бумаг императрицы, находился черновой список генерал-прокурорского «Наказа», писанный рукою государыни. Первые три пункта его написаны по-русски, с некоторыми отступлениями от напечатанного в ПСЗ; следующие, по 11-й, по-французски и составляют извлечение из французского оригинала; затем 12-й (в напечатанном это будет начало 13-го) и 13-й снова по-русски. Несколько последних строк 13-го пункта не дописаны. Эта рукопись показывает, что императрица сама трудилась над составлением «Наказа» генерал-прокурору, заимствуя понятия о праве народном, естественном и пр. из сочинения на французском языке. Что касается обряда управления комиссией, то также сохранились черновые его наброски, писанные рукою государыни (Сборник ИРИО, т. X, с. 230). Этот памятник подвергался также многократным переделкам, как и «Наказ». Есть список его, писанный рукою Карицкого, с собственноручными поправками Екатерины. Он состоит всего из 27 статей (там же, с. 222); напечатанный же в ПСЗ имеет 31 статью. Таким образом, оба эти акта первоначально писаны рукою государыни и потом постоянно переделывались ею, как и «Наказ» комиссии, до самого печатания. Руки Бибикова не заметно ни в этих, ни в других предварительных работах Екатерины. В составлении плана выборов он не был приглашен участвовать. Сочинение начертания для приведения работ комиссии к окончанию поручено было ему, а Андрею Петровичу Шувалову. Над трудом Шувалова рукою императрицы написано: «Подан и сочинен графом Андреем Петровичем Шуваловым по нашему повелению, за что ему весьма благодарю». Трудно думать, чтобы императрица переписывала сама и исправляла сочинения Бибикова, нигде не упомянув об этом. Судя по деятельности Бибикова в комиссии, должно сомневаться, что обряд написан им.

живой и мертвой водой комиссии: живой, если он сумеет справиться с своей задачей, мертвой — если нет.

Главным сотрудником маршала по исполнению его трудных обязанностей был генерал-прокурор, правительственное лицо, с которым маршал должен был предварительно совещаться о делах, подлежащих обсуждению собрания. Генерал-прокурор присутствовал в комиссии с правом голоса. В случае же равного разделения голосов, он имел два голоса; такое же право было предоставлено и маршалу.

Для предварительных работ комиссия должна была, по предложению маршала, выбрать из своей среды несколько частных комиссий. Две таких комиссии были предписаны самым обрядом управления. Первая и главнейшая из всех есть дирекционная. Она должна была выработать план учреждения всех остальных частных комиссий и делать представления маршалу об избрании в них членов. Она наблюдала за деятельностью этих комиссий, давала им наставления, проверяла их работы с большим «Наказом» и исправляла их, если находила отступления от его правил. Маршал и генерал-прокурор были членами дирекционной комиссии, а последний начальником ее канцелярии. Таким образом, в маршале, генерал-прокуроре и дирекционной комиссии сосредоточивалась и ими исчерпывалась вся организующая и направляющая деятельность комиссии.

Не доверяя комиссии ни определения основных начал законодательства, ни выработки порядка ее занятий, Екатерина Великая не находила возможным предоставить в полную ее волю и выборы маршала и членов частных комиссий. Утверждение в должности маршала и членов дирекционной комиссии она предоставила себе самой; представление же кандидатов в маршалы и члены всех частных комиссий было двоякое: от комиссии и генерал-прокурора. Хотя кандидаты генерал-прокурора также подлежали баллотировке в комиссии, но обряд не предвидит случая их забаллотирования. Благодаря этому вся направляющая деятельность могла оказаться в руках лиц, назначенных, собственно, самую императрицу, что действительно и случилось.

Все внимание императрицы было поглощено деятельностью комиссии, которая по справедливости может быть названа любимым детищем первых годов ее царствования*. Она старалась

---

* 18 августа 1767 года Генрих Ширлей писал в Англию: «В настоящую минуту собрание депутатов сделалось любимейшим занятием императрицы и, по-видимому, исключает из ее кабинета все прочие дела».

держат в своих руках все ее нити и зорко следила за всеми выборами, но вовсе не из опасения, что будут избраны к более деятельному участию в законодательстве разрушительные элементы.

26 апреля 1765 года императрица писала Бибикову: «Александр Ильич, получила я вчерашний день от вас через князя Щербатова список кандидатов по баллам для военной комиссии. Необходимо нужно, чтобы один из гражданских депутатов которого-нибудь порта нашего в сию комиссию вошел, а еще лучше или архангелогородский, или кронштадтский, если они еще не умещены. Итак, отдав на ваш выбор, кого выберете, остаюсь к вам доброжелательная». В этом письме Екатерина выражает заботу о том, чтобы в военной комиссии, которая должна была обсуждать и положение портовых городов, но с военной точки зрения, не были упущены из внимания интересы торгующих людей, а потому и требует, чтобы в нее был избран гражданский депутат какого-либо порта. Маршал и генерал-прокурор предложили Ивана Рыбникова, депутата от города Кронштадта, который и был избран.

Еще более высокий политический смысл продиктовал императрице одну статью чернового обряда управления комиссией, в которой она говорит: «Стараться депутатам внушать, чтоб они и лифляндцев и эстляндцев посадили в разные частные комиссии» (Сборник ИРИО, т. X, с. 233). Эта статья не перешла в обнародованный обряд, но, конечно, воля императрицы была сообщена и не одному маршалу с генерал-прокурором. В частные комиссии по предложению этих лиц было выбрано десять депутатов от остзейских провинций, принимавших нередко очень деятельное участие в работах этих комиссий. Так достигала императрица слияния разнородных частей своей империи в одно целое.

Но вот как иногда приводились в действие ее мудрые предначертания неумелыми руками исполнителей ее воли. В числе избранных в частные комиссии депутатов от остзейских провинций был и генерал-фельдцейхмейстер Александр Вильбоа, представитель от дворянства эстницкого дистрикта. Избранный членом юстицкой комиссии, он поспешил отказаться от этой чести на том основании, что правам никогда не обучался, а потому и полезным себя для этой комиссии не признает. Маршал и генерал-прокурор не нашли нужным даже ознакомиться с специальностями тех лиц, которых они проводили в частные комиссии, а может быть, по их мнению, знание прав и не нужно было для членов юстицкой комиссии. Сам Бибиков правам не

обучался, а был же председателем законодательной комиссии. К сожалению, не все так добросовестно относились к своему делу, как Вильбоа.

Заседания комиссии распадались, таким образом, на заседания большой комиссии и заседания частных, члены которых могли вместе с тем принимать участие и в прениях большой.

В каком отношении стояли частные комиссии к большой? По обряду управления большая комиссия не составляла проектов законов, — это было дело частных, каждой по ее специальности. Большая же рассматривала проекты, которые вносились в нее из частных и исправляла их. Первый вопрос, который возникает здесь, состоит в следующем: частные комиссии, выработывая проекты отдельных законоположений, действовали по указаниям большой или независимо от этих указаний? Обряд управления отвечает на этот вопрос и «да» и «нет».

Частные комиссии, как и большая, в своих постановлениях должны были руководствоваться большим «Наказом», депутатскими наказами и действующими законами.

Но большой «Наказ», как мы знаем, далеко не заключал в себе определенных правил по всем вопросам и нередко ограничивался приведением одних примеров. В этих случаях обряд управления предписывает большой комиссии подавать свое мнение, «которому примеру по государственному положению удобнее следовать», и этому мнению дирекционная комиссия, а следовательно, и все частные должны были следовать. В данном случае большая комиссия дает направление работам частных, которому для них обязательно подчиниться.

Совсем другие последствия соединяет обряд управления с мнениями большой комиссии, высказанными по поводу депутатских наказов и действующих законов. Эти мнения служат частным комиссиям не в наказ, а только для соображения. Они не имеют обязательной силы для частных комиссий. Конечно, частная комиссия ввиду того, что составленный ею проект поступит на утверждение большой, не может совершенно игнорировать ее мнения. Но раз, по правилу, мнения большой комиссии не связывают частных, — эти последние имеют право рассчитывать, что большая комиссия может и изменить свое мнение, выслушав их представления. Таким образом, борьба большой комиссии с частными возведена здесь в общее правило.

Мы затрудняемся объяснить, что заставило императрицу прийти к таким совершенно разным выводам в двух совершенно подобных случаях. Но не может подлежать сомнению, что нельзя было придумать правила более вредного для успешного

исхода деятельности комиссии, как это последнее. Если даже «согласные» (вероятно, единогласные) мнения большой комиссии не обязательны для 5 членов частной, то зачем же терять ей труд и время для выработки каких-либо общих положений, никого не связывающих.

Мнениями пяти членов частной комиссии, конечно, легче было управлять, чем мнениями 500 большой, но тогда не было вовсе надобности и собирать эту большую комиссию. Не думаем, однако, чтобы желание заправлять всем законодательством продиктовало императрице это правило. Она предоставила же комиссии право решать вопросы о началах законодательства, когда они не указаны точно в «Наказе». Это право несколько не менее того, о котором теперь идет речь. Кроме того, проект частной комиссии подлежал же обсуждению большой и мог быть ею изменен.

Думаем, что объяснение этой печальной непоследовательности надо искать в той поспешности, с которой велось все дело приготовительных работ самой императрицы и в недостаточно обстоятельном знакомстве с сложными вопросами законодательства. Дело, за которое взялась императрица с таким полным доверием к своим личным силам, было слишком трудное и для нее совершенно новое. Недосмотр и ошибки при таких условиях весьма обыкновенны.

Предварительные работы частных комиссий не были, следовательно, приведены в должную зависимость и связь с работами большой комиссии. Ошибка — чрезвычайной важности, лишившая занятия комиссии всякого единства и последовательности.

Дела в комиссии решались простым большинством голосов, которое принималось за мнение всего собрания.

Мы ограничимся разобранными правилами обряда и перейдем теперь к вопросу о том, как шли на деле занятия комиссии и в какой мере были поняты и выполнены предписанные ей правила. <...>

Разбору комиссии подлежал громадный материал. В нее поступили: 28 наказов от присутственных мест, 163 от дворян, 401 от городов и 1066 от сельского населения (в этом числе и указы от казаков и иноверцев), всего 1264 наказа. Кроме того, она должна была иметь дело с прежними законами, которые не были даже приведены в известность и собраны воедино. По Полному собранию законов число прежних указов, с Соборного уложения начиная и по день собрания комиссии, превосходит 12 900 №№ и занимает более 17 объемистых томов в четвертку. Начала, на основании которых надо было переработать весь

этот материал, указаны в «Наказе»; но, как мы видели, там указано далеко не все. Очень многое приходилось еще установить самой комиссии.

Из беглого ознакомления с материалом, с которым должна была иметь дело комиссия, ясно уже, что она не могла прямо приступить в составлению новых законов: ей надо было предварительно совершить целый ряд подготовительных работ. Прежде всего надо было выработать самую систему законов, в которую потом и можно было укладывать отдельные законоположения. Система уложения, для своего времени представлявшая значительный шаг вперед перед судебниками, далеко не удовлетворяла потребностям законодательства половины XVIII века и нуждалась в полной переработке. Затем нужно было уяснить основные начала законодательства, насколько они даны большим «Наказом», и установить их вновь по тем вопросам, по отношению к которым «Наказ» дает одни примеры или вовсе ничего не дает. Наконец, привести в известность содержание депутатских наказов и действующего права. Все эти подготовительные работы следовало поручить частным комиссиям. Большое законодательное собрание, в 500 человек с лишком, может с успехом обсуждать как общие начала законодательства, так и его частные положения. Но неправильно будет возложить на него непосредственно самую выработку этих общих начал и отдельных правил. Эта предварительная работа с гораздо большим успехом может быть совершена небольшими специальными комиссиями. При такой постановке вопроса о занятиях комиссии сразу бы выяснился характер и объем предстоящего ей труда. Вместе с этим выяснилось бы, что дело комиссии не может быть совершено скоро, за один присест; что большой комиссии, по определению плана занятий и выборе членов в частные, и делать было нечего; до окончания первых предварительных работ она могла быть распущена по домам. Вопрос о плане занятий должно было возбудить маршалу и, конечно, в первом заседании после того, как комиссия организовалась и получила возможность действовать.

Посмотрим теперь, как шли занятия комиссии в действительности. Выше мы видели, что порядок ее занятий был определен императрицей в обряде управления. Там указано на учреждение частных комиссий, на необходимость выработать общие начала, если в «Наказе» они не выражены; указано на то, что в большом собрании будут читаться законы, в поправлении которых наиболее чувствуется нужда, и депутатские наказания, которые предварительно должны быть разобраны по мате-

риям. Все это верно, но слишком обще, и маршалу надо было очень подумать — и не одному, а вместе с комиссией — о том, как же осуществить этот обряд на деле.

Мы пройдем молчанием первые семь заседаний комиссии, в которых происходило чтение большого «Наказа» и обряда управления и состоялось определение о поднесении императрице титула «великой, мудрой матери отечества», и приступим прямо к тем заседаниям, которыми открылись обыкновенные ее занятия.

В 8-м заседании, происходившем 20 августа, маршал, не ставя никаких общих вопросов о плане занятий, предложил большому собранию прямо приступить к чтению крестьянских наказов. Это чтение началось с наказа от чернослободных крестьян Каргопольского уезда. По прочтении наказа депутаты стали делать на него свои примечания. Рассмотрение этого наказа еще не было окончено в 10-м заседании, как маршал предложил читать наказ от ясачных крестьян Казанского уезда. По прочтении сего наказа он пригласил желающих делать на него свои примечания. Так дело шло 14 заседаний, в продолжении которых было прочитано 12 наказов. На 12-м наказе маршал оборвал чтение наказов и предложил приступить к чтению законов о правах благородных. Чтение законов о правах благородных также сопровождалось постоянными воззваниями маршала к членам о том, чтобы они делали на законы свои примечания. Это длилось 10 заседаний. Но прежде, чем все законы, касавшиеся прав благородных, были исчерпаны, маршал прервал их чтение и предложил передать как все прочитанные законы, так и сделанные на них примечания в частную комиссию о родах государственных жителей, а большое собрание, по предложению маршала, перешло к новому чтению законов о купечестве, поглотившем еще 36 заседаний.

Таковы занятия комиссии в течении первых 60 заседаний. Она начала с чтения подлинных наказов, нимало не задумываясь над тем, надо ли еще их читать и что из этого чтения может выйти. Очевидно, порученное маршалу дело казалось ему до такой степени легким, что он ни минуты не остановился над тем, как же за него приняться. В обряде управления сказано: «по усмотрению маршала происходит чтение законов и наказов». И вот он, начав чтение с наказов, велел потом читать законы.

Но следовало ли указы и законы читать целиком, как сделал маршал? В обряде сказано: «читать законы, в поправлении которых более состоит нужды по правилам большого “Наказа”

и о которых более в прошениях и наказах депутатских представляется...» И далее: «читать указы, разобрав по материям, и сделав выписку...» Эти правила предполагают предварительную работу над указами и наказами, которая должна была предшествовать внесению их в большое собрание. Наказы надо было разобрать по материям, сличить с действующими законами и правилами большого «Наказа», и результаты этого сличения предложить большому собранию, причем можно было читать и подлинные места из наказов и указов.

Маршал потому только приступил к чтению наказов целиком, что ход занятий комиссии не был достаточно выяснен. Чтением наказов ровно ничего не достигалось, и маршал убедился в этом собственным горьким опытом. Крестьянские указы, как и указы других сословий, часто весьма близки между собой и содержат много повторений. Читая указы целиком, пришлось по нескольку раз выслушивать не только одни и те же нужды и недостатки крестьян разных погостов и деревень, но даже одни и те же примечания на них членов собрания. Чтение 12 наказов достаточно убедило маршала, что так продолжать нельзя. Он прекратил чтение наказов и никогда более к нему не возвращался. Но и после этого урока он не пришел к мысли о необходимости выработать план занятий, а предложил новое чтение законов о правах благородных.

Но что такое права благородных? Это понятие очень сложное. Одни права благородных относятся к области государственного права, например: приобретение и потеря дворянства, права по службе и пр.; другие — гражданского, как вотчинные права, особый порядок дворянского наследования и пр.; третьи — к уголовному, так как в Московском государстве дворяне и наказывались несколько иначе, чем недворяне. Наконец, были особые дворянские права и в процессе. Законы о каких же правах благородных хотел читать маршал? Этого он и сам не знал. Законы читались без всякой системы и единственно в порядке времени. В первом заседании начали с процессуальных статей уложения, но прочли из них только две. За ними была прочтена статья уложения о браках крестьянских девок, или вдов, и три статьи, относящиеся к завещательному праву. После этого снова две процессуальные статьи, а за ними одна о необходимой обороне. Этим кончилось чтение статей уложения о дворянстве. Более к уложению уже не обращались, а приступили к чтению соборного деяния от 1682 года об уничтожении местничества. Эти немногие примеры могут дать понятие о том, как читались законы в комиссии.

Чтение законов было так же бесцельно, как и чтение наказов. При чтении маршал не ставил никаких вопросов, а только приглашал членов говорить свои примечания. Говорили поэтому так же без всякого порядка и общего плана, как и читали. На некоторые законы говорили очень много и по нескольку раз одно и то же, на другие, не менее важные, ровно ничего. Иногда говорилось и такое, что вовсе не шло к правам благородных. Все это, тем не менее, терпеливо выслушивалось, записывалось и было передано в частную комиссию.

Можно спросить, с какою целью маршал предложил передать весь этот сырой материал в частную комиссию?

В виду разобранных выше статей обряда управления можно подумать, что происходившие в большом собрании прения по поводу наказов и законов, при всей их беспорядочности, предназначались, однако, для руководства частной комиссии, куда они и были с этою целью переданы. Обряд управления, действительно, предписывает это. Но прения в комиссии не достигли и этой скромной цели. По обряду депутаты не должны были ограничиваться одними примечаниями; им надо было прийти к положениям, которые и следовало передать в частную комиссию хотя не в «Наказ», но для соображения. Маршалу поэтому надо было не выслушивать только примечания, а вывести из них вопрос и поставить его собранию для решения. А. И. Бибиков во все 60 заседаний не поставил ни одного вопроса по существу дела и не произвел ни одного голосования. Таким образом, частная комиссия о родах жителей получила из большого собрания не определения его, а ряд мнений отдельных членов, к которым иногда присоединялись некоторые из их товарищей. В чем мнение большой комиссии — этого частная не могла знать: она имела под руками только ворох частных замечаний и была лишена всякого руководства со стороны большинства комиссии.

Выше мы указали, что отношения частных комиссий к большой и самою императрицею были поставлены не совсем правильно. Недосмотры «обряда» не только не были исправлены практикой, но то, что происходило в действительности, было вне всякого сравнения ниже предписанных императрицею правил. Заседания большого собрания были превращены в совершенно бесцельную читальню и говорильню.

Оставим на время большую комиссию и перейдем в дирекционную, которая должна была представлять маршалу о необходимости учреждения частных и наблюдать за их деятельнос-

тью. Посмотрим, как составлена эта направляющая комиссия и как исполнила она свою важную задачу.

Значение этой комиссии не укрылось от внимания депутатов. Когда в первоначальный список кандидатов в члены этой комиссии не попал ни один из представителей городов, они обратились к собранию с просьбой представить на утверждение императрицы не двух кандидатов на каждое место (всех мест 5), как было решено прежде, а трех. Собрание согласилось, и в число новых пяти кандидатов были избраны четыре представителя от городов. Императрица утвердила только людей, принадлежавших к знати: митрополита Дмитрия, вице-президента военной коллегии, генерал-аншефа, графа Захара Чернышева, сенатора, генерал-инженера Николая Муравьева (кандидата маршала и генерал-прокурора)¹², сенатора, тайного советника Дмитрия Волкова¹³ и графа Ивана Орлова¹⁴. Дирекционная комиссия, таким образом, была составлена исключительно из правительственных лиц.

Первые три заседания комиссии, согласно предписанному порядку, были посвящены чтению большого «Наказа», которое ни к чему не привело, кроме занесения в протокол чувств общего удивления членов к мудрости императрицы. В черновом протоколе заседания, происходившего 20 августа, между прочим читаем: «а где написано было, что детей обучать грамоте для знания законов Божеских и гражданских, все господа присутствующие оказывали великое удовольствие, что сие полезное дело предписано». В чистом протоколе, членами подписанном, этой подробности нет. Там кратко сказано: «читали большой “Наказ”, причем были разные рассуждения». Когда пришлось подписывать протокол, члены комиссии, вероятно, нашли, что удовольствие их не есть же какое-нибудь дело, которое они обязаны были совершить в заседании, а потому и нашли нужным скрыть его. Так отнеслись члены дирекционной комиссии к чтению «Наказа», тогда как по обряду они должны были разработать его и представить в большое собрание свое мнение о тех случаях, в которых «Наказ» не давал точного правила, или ограничивался одними примерами.

В 4-м заседании князь Вяземский, генерал-прокурор, внес следующее предложение: «так как государство российское, в рассуждении прав, разделяется на три части: Великороссию, Малороссию и Лифляндию, и каждая управляется своими законами, то оные не будут ли нужны?» Комиссия нашла, что будут нужны.

В 5-м заседании возбужден был, наконец, вопрос об учреждении частных комиссий, и в одном из следующих, после некоторых прений, принято предложение сенатора Волкова об учреждении 3 частных комиссий: вотчинной, юстицкой и о родах государственных жителей, которые и были учреждены в течение сентября и октября. Тогда же постановлено: вместо наставления дать частным комиссиям экстракт из протокола от 5 сентября. В 12-м заседании, по разрешении вопроса о частных комиссиях, был возбужден вопрос о том, что же теперь делать? решено снова читать большой «Наказ»; а вслед затем приступили к чтению наказов от присутственных мест, чем занимались еще и в 20-м заседании.

Такова деятельность дирекционной комиссии в первые 20 заседаний. Для оценки ее остановимся прежде на экстракте из протокола от 5 сентября, который она обратила в наставление для частных комиссий. Комиссия о родах жителей была учреждена 6 сентября; 8-го она получила уже это наставление от дирекционной. В наставлении ей предписывалось теперь же приступить к составлению плана законодательства о состояниях, а по утверждении его дирекционной, и самого проекта прав разных сословий*. Частная комиссия, следовательно, должна была работать над подробностями проекта сословных прав, прежде чем были выяснены какие-либо общие начала этой ветви законодательства. Большое собрание занималось в это время чтением крестьянских наказов и еще не приступало к правам благородных. Дирекционная комиссия ни сама не дает никаких руководящих начал частной, ни считает нужным ожидать, когда их выработает большое собрание. Частная комиссия должна работать совершенно самостоятельно и прямо над проектом. О связи работ частной комиссии с работами большого собрания и речи нет.

Заседания только что учрежденной частной комиссии о родах государственных жителей происходили одновременно с заседаниями большой, а потому члены ее даже не могли всегда присутствовать при прениях большой**. Следствием этого бы-

* Для примера, каков должен быть план, комиссия говорит: «Должность ее (частной ком<иссии>) разобрать и разделить виды государственных жителей, а именно; о дворянстве. Что есть дворянство? какие оно степени? кто дворянин? какие его права? О среднем роде или мещанстве. Что есть мещанство? какие оно роды или степени? какие его права?» и т. д. (Архив дневных занятий дирекционной Комиссии).

** Заседания большого собрания происходили по утрам раз пять в неделю; в то же время дня, но только четыре раза в неделю, собирались и члены комиссии о родах жителей.

ло то, что членам частной комиссии приходилось повторять все, что было уже сделано в большой. В большой комиссии читаются законы о дворянах, и в частной читаются законы о дворянах. В большой комиссии по поводу этого чтения отдельные депутаты прочитывают свои мнения, или, как тогда говорили, голоса, и в частной комиссии читаются те же голоса. Таким образом, заседания большой комиссии и частной с самого начала идут независимо друг от друга и без малейшей внутренней связи, ибо пересылка из большой комиссии в частную наказов, законов и голосов, которым частная, если бы даже и хотела, не могла следовать, так как за отсутствием голосования не могла знать, в чем состоит мнение большого собрания, — не есть же еще связь. Так сложилось под руководством дирекционной комиссии отношение частных комиссий к большому собранию.

Обряд управления возлагает на дирекционную комиссию разработку вопроса о частных комиссиях. Вопрос о частных комиссиях, на которые естественно было возложить всю массу предварительных работ по собиранию материалов (из наказов и указов), выработки основных начал, а после утверждения их большим собранием и по составлению самых проектов по отдельным отраслям права, есть собственно вопрос об общем плане законодательных работ. Дирекционная комиссия порешила с ним очень скоро: она предложила устроить три комиссии и тем покончила, обратившись снова к чтению большого «Наказа», а потом наказов от присутственных мест.

Императрица Екатерина, зорким оком следившая за первыми шагами своего любимого детища, не совсем-то счастливо развивавшегося, хотя она и не спускала его с своих рук, не могла не заметить этой бездеятельности дирекционной комиссии и принялась сама за составление общего плана законодательных работ. Этот план появился в свет 8 апреля 1768 года под именем «Начертания о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения» *. Здесь мы находим целую систему законодательства, которое Екатерина разделяла на две части: на

* Мы выше имели уже случай указать, что составление этого начертания было поручено графу А. П. Шувалову. Представленный им императрице труд носит заглавие: «Опыт плана всему, о чем в комиссии о сочинении проекта нового уложения господам депутатам трудиться должно». Этот «опыт» весь перешел в «начертание», хотя и с некоторыми изменениями. Он хранится с бумагами императрицы в зале общего собрания петербургских департаментов Сената. Шувалов не был депутатом. Императрица поручила ему наблюдение за ведением дневных записок.

право общее и особенное. Каждое из этих прав, в свою очередь, подразделялось по предметам. Соответственно этому делению должны быть учреждены и частные комиссии, которых для общего права Екатерина назначила 11, а для особенного 4. Все это обязана была сделать, конечно, сама дирекционная комиссия. Но только по получении этого наставления число частных комиссий было доведено до 19, и большинство их, следовательно, было учреждено уже по прошествии 7 месяцев со дня открытия заседаний собрания.

Ясно, что среди членов комиссии, приближенных к императрице, на которых она считала себя в праве наиболее рассчитывать, не было людей способных быть исполнителями либеральных предначертаний начала ее царствования. Состояние нашей образованности и литературы того времени достаточно объясняет этот печальный факт. Ни маршал, ни генерал-прокурор, ни члены дирекционной комиссии не могли дать должного хода законодательным работам комиссии, и депутаты трудились ежедневно без всякого направления и порядка. Руководящие люди решительно не знали, что надо было делать, а между тем по обряду управления они одни должны были давать направление всему делу, и помимо их никто не имел ни права, ни возможности спасти благое начинание Екатерины от полного крушения.

Перейдем снова в заседания большого собрания. По прочтении некоторых законов о правах благородных маршал приступил к такому же беспорядочному чтению законов о купечестве, потом предложил чтение лифляндских и эстляндских привилегий, чем комиссия занималась в течении 11 заседаний. За остзейскими привилегиями последовали законы о юстиции в объеме столь же смутном и неопределенном, как и чтение законов о правах дворянства и купечества. Все эти чтения происходили в том же порядке, как и чтение наказов и законов о правах благородных, т. е. прочитывали какой-либо закон, маршал вызывал желающих делать свои примечания, желающие охотно делали их; но из этих примечаний ровно ничего не выходило, так как не было поставлено и решено голосованием ни одного вопроса. Затем весь этот материал, не имеющий ровно никакого значения, передавался в частные комиссии.

10 июля 1768 года чтение законов о юстиции было прервано внесением составленного частною комиссиею о родах жителей проекта о правах благородных.

Проект о правах благородных уже готов, а между тем большое собрание не приступало еще к обсуждению дворянских де-

путатских наказов и не высказало ни одного положения относительно того, как же надо организовать дворянство. Ясно, кажется, что руководители законодательными работами крайне спешили поднести императрице плоды своих трудов, вовсе не заботясь о том, чтобы они были зрелые. Составленный частной комиссией проект нельзя рассматривать как результат совещаний большого собрания. Это произведение членов двух частных комиссий, состоявших почти исключительно из правительственных лиц, а потому правильнее будет считать его правительственным, хотя в содержании проекта и видно влияние некоторых из отдельных мыслей, высказанных в большом собрании*.

В обзор содержания проекта мы не будем теперь входить; мы остановимся только на вопросе о том, как рассматривался этот проект в большом собрании.

10 июля проект был внесен в собрание, и маршал в том же заседании предложил прочитать его. После первого чтения, происходившего, согласно обряду, в совершенном молчании, некоторые из членов заявили желание говорить против проекта. Не предложив выслушать этих замечаний, маршал приступил в том же заседании ко второму чтению и немедленно вслед за окончанием чтения стал спрашивать членов по статьям, согласны они на них или нет, т. е. приступил к голосованию статей проекта без прений.

Вот как понимал маршал дело законодательства. Комиссия не высказала ни одного мнения о правах дворянства, проект составлен совершенно независимо от тех взглядов, которые могли принадлежать ее большинству, она едва успела выслушать его — и ей предлагают, чтобы она сейчас же голосовала по статьям и без всяких прений!

Русский человек, говорит пословица, задним умом крепок. Это свойство его проявилось и в заседании 10 июля. Предложенное маршалом голосование пошло своим чередом, с первой статьи начиная, которая была принята всеми голосами, за ис-

---

* Полный ход работы был следующий: по составлении проекта частной комиссией он был рассмотрен ею в присутствии членов герольдии, потом внесен в дирекционную. Из дирекционной с ее замечаниями возвращен снова в частную; переработан ею; рассмотрен с членами герольдии, снова — в дирекционную, а оттуда в общее собрание. Частная комиссия о родах жителей, выработавшая проект прав благородных, состояла: из генерал-аншефа кн. А. М. Голицына, обер-прокурора графа Федора Орлова, генерал-поручика графа Якова Брюса, ландрата барона фон Унгерн-Штернберга и купца Николая Свешникова.

ключением одного. Вторая была принята единогласно; третья и четвертая также приняты. О пятой возникли несогласия. Во время споров, возбужденных этой статьей, некоторые члены снова заявили желание говорить против проекта и даже против тех его статей, которые уже приняты. В это время 28 депутатов от дворян составили письменный протест, в котором просили: «по важности материи дать время на размышление». Одновременно с ними 12 представителей от однодворцев, пахотных солдат и горожан составили тот протест, замечательное начало которого мы выписали выше. Он оканчивался так: «теперь же к соглашению никаким образом приступить невозможно, понеже ничто не может быть вдруг совершено, что человеком сочинено». Тут же поднялись и татары: они просили дать им копию проекта с переводом на татарский язык, так как они и понять его не могли.

Видя полный неуспех своего предприятия, маршал вынужден был уступить и отложил рассмотрение проекта на неделю.

В следующем заседании, состоявшемся ровно через неделю, приступлено было к обсуждению проекта по статьям. Некоторые статьи вызвали весьма много возражений и поправок; для 6 ст. 1-й главы, например, было предложено 8 разных редакций. По содержанию своему мнения депутатов, которые при этом высказывались, далеко не новые. Многие из них были уже высказаны в самом начале заседаний собрания, когда читались законы о правах дворян, и теперь только повторяются. При заявлении этих возражений маршал следует совершенно тому же образу действий, которого он держался и при обсуждении наказов и законов, т. е. он дает высказываться отдельным мнениям и затем, не сводя их ни к чему и не ставя никаких вопросов для голосования, переходит к следующей статье*. Так дело шло целых 13 заседаний, в течении которых были рассмотрены все статьи проекта, выслушано множество возражений, но в результате не получилось ровно ничего, кроме вороха отдельных мнений, большинство которых было высказано уже год тому назад.

Видя беспомощное положение своего маршала, императрица снова поспешила к нему на помощь. 13 июля она написала ему собственноручное письмо, в котором делала наставления относительно того, как надо поступать в том случае, когда на статью проекта предложено будет разом несколько новых редак-

* Единственный случай баллотирования, состоявшийся в это время, разберем ниже.

ций. Месяц спустя письмо это, несколько переработанное, было прислано в комиссию как дополнение к обряду управления комиссией. Не исчерпывая всего содержания этого памятника, который весь был вызван ошибками маршала, мы приведем только два его пункта.

При обсуждении проекта императрица предписывала выбрать особого депутата, который взял бы на себя его защиту. В тех же случаях, когда против статьи проекта высказано не одно, а несколько мнений, предписывалось пригласить депутатов подписаться под этими разными мнениями, и под каким окажется более голосов, то мнение и должно было войти в конкуренцию со статьей проекта, а остальные уничтожались, т. е. все мнения на статью подлежали баллотировке, и то из них, которое получило большее число голосов, баллотировалось затем со статьей проекта и, конечно, становилось на ее место, если получало больше голосов.

Получив это дополнение к обряду 13 августа, маршал, однако, продолжал до 4 сентября ни к чему не ведущее выслушивание примечаний и только по окончании примечаний на все статьи объявил, что следующие три заседания назначаются им для прений по спорным вопросам.

Эти новые прения отличались от предшествовавших только тем, что при чтении 2 ст. 11-й главы маршал объявил, что защищать эту статью будет депутат от козловского дворянства артиллерии поручик Григорий Коробьин. Этот же депутат вызвался затем сам защищать некоторые другие статьи проекта. Это нововведение, конечно, было сделано в исполнение дополнительных статей императрицы к обряду. Но отчего в роли защитника проекта выступил поручик Коробьин? В дополнении к обряду сказано, что такого защитника надо выбрать. Допустим, что выбор должен был произвести сам маршал, но из кого? Конечно, из среды лиц, которые составляли проект. Это даже прямо сказано в вышеупомянутом письме императрицы к маршалу. Но А. И. Бибиков не исполнил этого совершенно правильного требования государыни и предоставил защиту проекта Коробьину, который не принадлежал к составу ни дирекционной, ни частной комиссии о родах жителей. Почему он сделал это? Мы выше уже заметили, что знатные лица, входившие в состав комиссии, не любили принимать участие в ее прениях. Несмотря на это, волею императрицы они призывались в большинство частных комиссий. Исключительно из них состояла дирекционная комиссия; в частной же комиссии о родах жителей рядом с четырьмя титулованными представителями дво-

рянства сидел только один представитель от горожан, купец Свешников. Надо думать, что именитые люди не захотели выступить в опасной роли защитников составленного ими проекта, а на купца Свешникова маршал не находил возможным положиться; вот как ответчиком перед собранием явился артиллерии поручик Коробьин, человек благонамеренный и либерального образа мыслей (он поднял в комиссии вопрос об ограничении помещичьих прав), но в составлении проекта нисколько не виноватый. Следствием этого было то, что некоторые статьи проекта он защищал, а от защиты других отказался. По поводу статей 37, 42 и 43, например, прений вовсе не было, потому что никто не вызвался их защищать, хотя и были желающие их опровергать. Вот как отнеслись ближайшие к императрице люди к их собственному делу, к составленному ими проекту прав благородных.

Посмотрим теперь, к чему привели прения по тем статьям, которые взялся защищать Коробьин. Роль этого единственного официального защитника правительственного проекта была крайне тяжелая. Желающих говорить против проекта было очень много. Раз вызвавшись защищать его, он должен был возражать каждому желающему. Турнир, возможный разве для какого-нибудь чудо-богатыря вроде Ильи Муромца. Таким сказочным богатырем Коробьин не был, не раз приходилось ему отказываться от дальнейшей защиты, ссылаясь на то, что им высказаны уже все доказательства. В таких случаях маршал переходил к следующей статье, хотя бы и оставались желающие говорить против предшествующей. Маршал, на обязанности которого лежало соглашать членов, оставался все время совершенно пассивным зрителем этого неравного боя: никаких согласительных предложений не вносил и, по обыкновению, не произвел ни одной баллотировки, производить которые ему еще недавно вновь было предписано дополнением к обряду от 13 августа. Эти прения, продолжавшиеся 6 заседаний и служившие только повторением предшествовавших прений, точно так же не привели ни к одному постановлению комиссии, как и все прежние. В результате их опять получился ворох отдельных мнений, который маршал снова предложил отослать в дирекционную комиссию для передачи в частную.

Эти бесконечные, ни к чему не приводящие споры, которые три раза возбуждались по одному и тому же предмету и всякий раз с одним и тем же результатом: «передать в частную комиссию», утомили, наконец, и самих членов большого собрания. Они, кажется, начали понимать полную бесплодность всех их

«примечаний». В заседаниях 23 и 28 июля, когда проект обсуждался в первый раз, очень многие из них говорили против 6 ст. 1-й главы его, для поправки которой было предложено даже 8 разных редакций; в заседании же 15 сентября, когда шли согласительные прения, на эту статью никто не сделал ни одного замечания.

Рассмотрение проекта большим собранием, продолжавшееся 18 заседаний, нисколько не подвинуло дела вперед. Частная комиссия, получившая его обратно, точно так же не имела в руках ни одного руководящего мнения большой, как и в начале своего труда.

Бесплодность заседаний большого собрания стала переходить и в сознание самой императрицы. На эту мысль наводит то, что с внесением в комиссию проекта о правах благородных заседания ее становятся все реже и реже. До этого времени она собиралась обыкновенно до пяти раз в неделю. С 10 же июня по конец месяца комиссия собралась всего четыре раза; в августе и сентябре было только по семи заседаний. Шестого октября, в последний день обсуждения проекта, когда, несмотря на все усилия императрицы помочь маршалу, совершенно выяснилась неспособность его поставить какой-либо вопрос и довести дело до голосования, собранию было объявлено, что вперед оно будет собираться только два раза в неделю. Это объявление было сделано устами маршала, но, конечно, оно внушено императрицею.

По сдаче проекта в частную комиссию маршал снова принялся за чтение законов, и на этот раз — законов о поместьях и вотчинах, хотя начатое перед внесением проекта чтение законов о юстиции и не было исчерпано. Так продолжалось до 18 декабря, когда, по случаю войны с турками, заседания большого собрания были прерваны.

Мы кончили обзор хода занятий комиссии. Составленный императрицею обряд управления с целью определить порядок ее занятий имел свои недостатки и нуждался в умелой руке для применения его к делу. Руководители работ комиссии, принадлежавшие к высшим чинам империи, от которых государыне естественно было ожидать наиболее просвещенного содействия своим начинаниям, не только не смягчили этих недостатков искусным применением обряда к делу, но, еще менее самой императрицы знакомые с тайнами того сложного законодательного аппарата, к действию в котором она их призывала, — они вовсе не умели приступить к осуществлению ее обряда. Благодаря полному их непониманию обряд управления вовсе не был

исполнен, и 18 декабря 1768 года занятия комиссии были совершенно в том же положении, как и в день открытия ее заседаний, 31 июня 1767 года*.

Грустное впечатление оставляют в читателе дневные записки большого собрания, эта летопись его ежедневных занятий; но все не потому, чтобы ему приходилось краснеть за мнения представителей русской земли. Речи, произнесенные депутатами в комиссии, навсегда останутся памятником твердого чувства законности и глубокого политического смысла, обнаруженного ими при обсуждении многих вопросов крайне деликатного свойства.

Мы далеки от мысли исчерпать, с этой точки зрения, весь богатый материал депутатских наказов и голосов. Только с целью несколько пополнить сделанную нами картину занятий комиссии и показать дело и с другой, неофициальной стороны, — мы приведем некоторые выдержки из речей депутатов по трем крупным вопросам, возбужденным в комиссии разнообразным чтением, которому она предавалась. Именно: по вопросу об остзейских привилегиях, о порядке приобретения дворянства и об ограничении помещичьей власти.

Существует мнение, что комиссия проявила опасные для государственного единства стремления, выразившиеся в рассмотрении остзейских привилегий, и тем возбудила в императрице боязнь за целостность империи, с таким трудом созданной ее великими предшественниками. Посмотрим, насколько это мнение справедливо.

Как возник в комиссии вопрос об остзейских привилегиях? В заседании 2 октября 1767 года, когда маршал предложил отослать прочитанные законы о дворянстве в частную комиссию, несколько остзейских депутатов из дворянства вошли в собрание с особым заявлением, в котором, указывая на то, что в предшествовавшее чтение не вошли законы о правах остзейского дворянства, выразили надежду, что комиссия не предпримет ничего несогласного с высочайше подтвержденными привилегиями остзейского дворянства, и просили оставить их права неприкосновенными. Одно из этих заявлений было подписано генерал-фельдцейхмейстером Вильбоа¹⁵, другое — генерал-поручиком Ренненкампом¹⁶. Выслушав их, маршал предложил собранию, не признает ли оно за нужное приступить к чтению привилегий остзейского дворянства. Предложение изошло, таким образом, от самого маршала. Для правильного его понима-

---

* Мы далеко не исчерпали всех недостатков в ходе занятий комиссии; но для цели нашего общего обзора довольно и сказанного.

ния надо заметить, что приближенные к императрице члены комиссии — и во главе их маршал — и сам генерал-прокурор князь Вяземский нисколько не боялись остзейских привилегий; эти привилегии возбуждали в них большой интерес и даже что-то похожее на любовь. Мы выше говорили уже о том, что генерал-прокурор Вяземский в одном из первых заседаний дирекционной комиссии предложил ей ознакомиться, наравне с великороссийскими законами, с привилегиями малороссийскими и остзейскими. В этом же духе действовали и члены частной комиссии о родах жителей. В заседании 27 сентября они определили вытребовать из дирекционной комиссии несколько книг о правах дворянства прибалтийских губерний, а из малороссийских законов — о вольностях шляхетских. Постановление совершенно понятное и независимо от того, что членом этой комиссии по воле императрицы был остзейский депутат, барон Унгерн-Штенберг, для которого эти привилегии были действующим правом. По большому «Наказу» русское дворянство должно было иметь привилегии, но какие именно, там не было указано. Чтобы внести в проект правила о дворянских привилегиях, членам комиссии о родах жителей, естественно, надо было ознакомиться с существующими привилегиями и выбрать наиболее подходящие к нашим условиям. Они знакомились не только с правами балтийских дворян и шляхетскими вольностями, но с правами немецкой, французской и английской аристократии, а в заседании 13 ноября читали даже «великую грамоту, данную от английского короля Иоанна его подданным». Теперь понятно, почему маршал обратился к комиссии с предложением читать остзейские привилегии. В этом надо видеть выражение аристократических симпатий высших чинов комиссии, которые нашли некоторую пищу и в самом «Наказе» императрицы, — об опасности же для единства империи здесь не могло быть и речи.

Посмотрим теперь, как отнеслись к вопросу о балтийских привилегиях члены большого собрания, среди которого высшие чины были в меньшинстве и где они стеснялись говорить откровенно. В конце заседания 30 ноября произошло чтение первых пяти (по времени) балтийских привилегий. В следующем затем заседании депутат любимского дворянства, отставной секунд-майор Никифор Толмачов, подал против этих привилегий голос, в котором высказал мнение, «чтобы, — следуя общему благу, изображенному в данном комиссии большом «Наказе», как по известным правительствующему Сенату недостаткам балтийских прав, так и для предупреждения происходящих от смеж-

ных с означенными губерниями жителей преступлений, в которые они впадают по причине разности законов, от незнания оных, — были сочинены законы одинаковые для всех ее величеству подданных народов». К этому мнению тут же присоединилось 25 представителей от дворянства и 41 от городов и казаков, а всего 67, — и это по собственному побуждению, без всякого вызова со стороны направляющих лиц. Что же сделал маршал ввиду этой очевидной возможности получить в этом же заседании общее определение комиссии по существенному вопросу о том, надо ли писать одинаковые законы для всей империи или различные для каждой ее части: Великороссии, Малороссии, Лифляндии и пр.? Он продолжал читать остзейские привилегии. Что делали члены комиссии? Они прерывали эти чтения замечаниями о необходимости единого законодательства.

Императрица Екатерина не могла быть довольна заявлениями остзейцев. Желая остаться при прежних своих правах, они прямо выражали этим недоверие к началам большого «Наказа», которые долженствовали сделать их счастливыми. Прислушиваясь к все продолжающемуся чтению этих привилегий, она нашла, наконец, себя вынужденной подать собственный голос. Сохранилось ее письмо к генерал-прокурору Вяземскому, в котором она поручает ему так устроить, чтобы кто-нибудь из знати подал голос против балтийских привилегий, и дает самые мотивы для возражения. В этом вмешательстве императрицы не было бы ни малейшей надобности, если бы маршал умел — не говорим уже руководить, а только пользоваться настроением собрания: после голоса Толмачова, так хорошо поддержанного значительным числом депутатов, не трудно было при том доверии, которым и доселе пользуются представители власти в глазах русского человека, получить постановление комиссии о прекращении чтений балтийских привилегий. Желание императрицы не было, однако, исполнено. Никто из знати не выступил против балтийских привилегий, и мотивы ее не были развиты пред собранием (Поленов, II, 337).

При чтении законов о правах благородных большое внимание дворян привлек вопрос о способах приобретения дворянства, на котором главным образом и сосредоточивались прения. Со времен Петра Великого дворянское достоинство приобреталось выслугою: всякий, получивший на военной службе первый обер-офицерский чин, делался потомственным дворянином, какого бы звания по рождению он ни был. Таково было и действовавшее во время заседаний комиссии право. Этот сравнительно легкий доступ к преимуществам дворянского звания не мог

нравиться людям родовитым, которые стремились к замкнутости и обособленности. Екатерининский «Наказ», высказавши начало сословной организации государства, — причем дворянству отводилась роль специальной опоры монархии и с этой целью предполагалось наделить его особыми привилегиями, — мог дать некоторое основание думать, что императрица и сама не прочь удовлетворить этому естественному стремлению знатных фамилий к более резкому выделению из массы остального населения.

Самым видным и энергическим представителем этого стремления в комиссии был известный историк, князь М. М. Щерба-тов. Он произнес несколько речей, в которых доказывал, что дворянство должно приобретаться рождением и высочайшим пожалованием, а не услугой; закон же Петра Великого он объяснял временными причинами. Последняя его речь была сказана «с крайним движением духа» и увлекла всех присутствовавших депутатов Московской и Нижегородской губерний и 27 дворянских депутатов других местностей, которые поспешили присоединить свои подписи к его голосу.

Вот этот памятник ораторского красноречия XVIII века: «Депутат днепровского пикинерного полка, — так начал Щерба-тов, — в мнении своем говорит, что все древние российские дворянские фамилии произошли от низких родов и что теперь эти древние дворяне по надменности своей не желают допустить в свое звание людей того достойных. Весьма удивляюсь, что этот господин депутат укоряет подлым началом древние российские фамилии, тогда как не только одна Россия, но и вся вселенная может быть свидетелем противного. К опровержению слов мне довольно указать на исторические события. Одни российские дворяне имеют свое начало от великого князя Рюрика и потом, по нисходящей линии, от великого князя Владимира. Другие, выехавшие знатные люди, берут свое начало от коронованных глав. Многие фамилии хотя и не ведут рода своего от владетельных особ, но произошли от весьма знатных людей, которые считают несколько столетий своей древности и у нас украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Как может собранная ныне в лице своих депутатов Россия слышать наре-кания подлости на такие роды, которые в непрерывное течение многих веков оказали ей свои услуги! Как не вспомнит она про-литую кровь сих достойнейших мужей! Будь мне свидетелем дражайшее отечество в услугах, тебе оказанных верными твоими сынами, — дворянами древних фамилий. Вы будьте мне свидетели самые те места, где мы, по воле нашей монархини,

матери отечества, для нашего благополучия собраны! Не вы ли были во власти хищных рук? Вы, божественные храмы, не были ли посрамлены от иноверцев? Кто же в гибели твоей, Россия, подал тебе руку помощи? То верные твои чада, — древние российские дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнью, они тебя освободили от чуждого ига, они приобрели тебе прежнюю вольность. Мне мнится зреть еще текущу кровь достойных сих мужей и напоминающу их потомкам то же исполнять и так же жертвовать своею жизнью отечеству, как они учинили. Вот первое право требования дворян древних родов, чтобы никто с ними без высочайшей власти не был сравнен. Но они, сею любовью побужденные, не затворяют надменностью врата для доблести, а хотят, чтобы желающее войти к нам в собратство удостоились того истинною добродетелью, которую бы сам монарх увенчал дворянским званием»¹⁷.

Но и новый закон Петра, по необходимости долженствовавший вести к сближению сословий, не остался без защитников. В его пользу высказалось более десяти депутатов, преимущественно людей не именитых, между которыми были простые казаки и даже представители городов. К голосам говоривших присоединяли свои подписи и другие, число которых доходит, под некоторыми мнениями, до 20 и более. Чтобы познакомить с аргументацией противников аристократической замкнутости, приведем несколько выдержек из речи казака Никиты Миронова, одного из самых мелких членов собрания, представителя нижних чинов казацкого войска с далеких берегов Терека. Казак Миронов не убедился доводами князя Щербатова и в следующем заседании решился возражать своему красноречивому противнику.

«Некоторые гг. депутаты, — говорил Миронов, — в мнениях своих о дворянстве представляют, что звание это драгоценно и не надлежит давать его достигшим обер-офицерского ранга не из дворян. На сие осмеливаюсь предложить следующее. Достоинство дворянское не рождается от природы, но приобретается добродетелью и заслугами своему отечеству. Могут ли гг. российские дворяне сказать о своих предках, что все они родились от дворян? Я, напротив, полагаю, что в России более найдется таких, которые за воинские дела и другие добродетели получили это достоинство. Да и в военной службе одни ли дворяне защищают свое отечество? Конечно, нет! Как предки их, так и в новейшее время, в прусскую войну, не с ними ли и другие венчались тою же кровью? Также и впредь, если, паче чаяния (от

чего Боже сохрани!) возникнет где-нибудь от неприятеля война, то одни ли дворяне будут защищать государство? не с ними ли будут люди всякого звания? и последних будет еще больше, чем дворян. Если же вышедшим верною своею службою не из дворян в обер-офицерские чины не будет дано дворянство, то какое же будет для них поощрение в службе? Некоторые гг. депутаты представляют еще, что узаконение императора Петра I было временное, по случаю бывших тогда продолжительных войн. Хотя ныне у нас в России царствует тишина и все мы молим Всемогущего Бога, чтобы и до конца века было мирно, но на пограничных местах и теперь не везде благополучно. Проживая на персидской границе, близ горских, беззаконных и зверообразных диких народов, видим, что они не щадят и род свой, убивают брат брата и самих родителей, а умертвить русского почитают святым долгом. Показывая на нас свирепость свою пуще лютых зверей, они не столько в сражениях, как внезапно убивают. Как предки наши во всегдашней войне обращались, так и мы не видим себе от этих варваров покоя. Находясь постоянно в воинских службах, в виду проливающейся крови, мы считаем за должное воздать возможное благодеяние тем, которые бывают в сражениях и ознаменовывают себя храбрыми поступками. Итак, к слабому моему мнению почитаю справедливым прибавить, чтобы получившие в воинской службе обер-офицерские ранги были настоящими дворянами. Я, впрочем, предаю все мною сказанное на рассуждение почтеннейшего собрания гг. депутатов».

К этому голосу присоединилось 13 депутатов, преимущественно от казаков. Но первым присоединился представитель харьковского дворянства, полковник Матвей Куликовский.

Многочисленными речами противников и сторонников Петровского закона рассматриваемый вопрос был исчерпан со всех сторон. Оставалось решить его голосованием и, таким образом, дать частной комиссии о родах руководящее начало для составления соответствующей статьи проекта. Хотя речь кн. Щербатова увлекла не только дворян, но и многих представителей городов, тем не менее нам представляется крайне сомнительным, чтобы голосование выпало в пользу его мнения. Присоединившиеся к нему депутаты выразили этим только свое сочувствие его горячей защите дворянства от нареkania в подлости происхождения. Из присоединения представителей городов к его похвале историческим заслугам дворянства вовсе еще не следует, что все они подали бы голос против Петровского закона, если

бы этот вопрос был определенно поставлен, и таким образом закрыли бы себе самим доступ в ряды высшего сословия*. На исход баллотировки имело бы, конечно, решительное влияние мнение кого-либо из руководящих правительственных лиц. Но они хранили глубокое молчание. Что же касается маршала, он по обыкновению никакой попытки к соглашению депутатов не сделал, вопроса для решения не поставил и к голосованию не приступил, несмотря на то что прения совершенно выяснили и исчерпали поднятый депутатами вопрос.

Эта безрезультатность прений не могла не отразиться печальным образом и на внесенном позднее в комиссию проекте прав благородных. Шестая статья 11-й главы проекта, говорящая о приобретении дворянства, отличается крайней неясностью**. При обсуждении проекта она вызвала оживленные прения, причем депутатам пришлось многое повторить из того, что они говорили год тому назад. Эти прения также ни к чему не привели. Но несколько заседаний спустя депутат дмитровского дворянства, сенатор, тайный советник, князь Иван Вяземский снова возвратился к этому вопросу и внес предложение (в заседании 7 августа) о том, что «дослужившиеся до дворянства не должны быть лишены сего звания и что надо просить государыню, чтобы она велела вписать в список дворян, кои от предков благородных рождены и кои дослужились до сего времени». Хотя предложение это было внесено несвоевременно, когда собрание перешло уже к обсуждению других статей проекта, хотя оно очень плохо сформулировано (о лишении кого-либо дворянства из достигших уже этого звания, против чего направлено предложение, и речи не было), но маршал допустил его и по обыкновению вызвал по его поводу новые прения. Депутат от города Дерпта, профессор Яков Урсинус¹⁸, очень основательно заметил князю Вяземскому на вторую часть его предложения, что списки дворян должны находиться в герольдии, которая обязана вести их, а потому просить императрицу не о чем. Урсинуса поддержал купец Барзов, депутат от города Опочки. Вслед за этими заявлениями маршал предложил желающим подписаться, кто с кем согласен. К мнению Урсинуса присоеди-

---

* Позднее происходившая баллотировка, о которой речь будет ниже, даже прямо дает основание думать, что кн. Щербатов остался бы в меньшинстве.

** Вот эта статья: «Добродетели и заслуги возводят людей на степень благородства».

нилось 99 человек, к предложению Вяземского только — 19. На этот раз тем дело и покончилось. Но в заседании 18 августа (второе после описанного) маршал снова обратился к предложению Вяземского и пригласил членов баллотировать его.

Таким образом, собрание пришло к единственному случаю баллотирования законодательного вопроса. Мы нарочно остановились с некоторой подробностью на его зарождении, чтобы показать, с каким трудом достался он маршалу. Можно подумать, что какая-то невидимая сила натолкнула Вяземского совершенно не вовремя внести предложение, которое не раз уже высказывалось многими членами и в гораздо лучшей форме, но без всяких последствий; и затем та же таинственная сила привела мало-помалу (в 4-м заседании после внесения) Бибикова к голосованию. Может быть, все это дело непосредственно направлялось скрытой рукой императрицы.

Предложение Вяземского для баллотировки было сформулировано маршалом следующим образом: «Надлежит ли учинить всеподданнейший доклад ее императорскому величеству об учинении разбора дворянству и о внесении в список дворянский как рожденных от предков благородных, так и дослужившихся до чину, приносящего дворянское достоинство?» (Архив, Дневные занятия большого собрания) Предложение было принято большинством 242 голосов против 157.

Таков пример единственного баллотирования. Этот единственный пример служит вместе с тем и примером полной неспособности маршала вести дело законодательства. С целью уяснения одного из начал законодательства о дворянах Вяземский внес свое предложение, которое, надо полагать, состояло в том, чтобы дворяне, дослужившиеся до обер-офицерского чина, и впредь получали дворянское достоинство, хотя он выразил его крайне плохо и связал вместе с неидущей к делу просьбой о составлении дворянских списков. Маршалу следовало выяснить предложение Вяземского и поставить вопрос, как он намечен предшествовавшими речами. Поставленный же им вопрос не имеет к ним никакого отношения; из предложения Вяземского в него вошла только совершенно ненужная часть — просьба к императрице о составлении списков. Члены собрания, которым были очень памятны происходившие перед тем прения о Петровском законе, сформулированное маршалом предложение поняли, конечно, в духе этих прений, т. е. что они просят императрицу, чтобы и впредь обер-офицеры вносились в дворянские списки или, что то же, чтобы чин обер-офицера да-

вал дворянское звание, а потому и приняли это предложение значительным большинством*.

Получив всеподданнейший доклад комиссии, императрица препроводила его в Сенат, а Сенат, в котором были члены, лучше сенатора Вяземского знакомые с обязанностями герольдии, отвечал, что герольдия давно уже составляет списки, но по неимению достаточных сведений как о древних родах, так и о выслуживших дворянское звание, работы своей к окончанию привести не может. Таков исход этой единственной попытки голосования. Со стороны маршала эта печальная попытка была, конечно, опытом привести в исполнение письмо императрицы от 13 июля, о котором мы говорили выше.

При чтении законов о юстиции зашла речь о частых побегах крепостных. Этим воспользовался депутат козловского дворянства, артиллерии поручик, Григорий Коробьин, чтобы высказать мнение о необходимости ограничить права помещиков, так как причину побегов он видел в злоупотреблениях помещичьей власти. Так поднят был в комиссии вопрос о пределах власти помещиков. Чтобы выступить с таким вопросом в XVIII веке, нужна была значительная доля решимости.

Сама императрица Екатерина вынуждена была сделать в своем «Наказе» существенные отступления от первоначальной редакции статей, в которых она касалась крепостного права. К необходимости этих отступлений привели ее и замечания, которые ей пришлось выслушать от разных лиц, которым она читала свой «Наказ». Содержание первоначально составленного императрицей «Наказа», из которого она потом выпустила около половины, до сих пор во всем его объеме нам неизвестно. Но мы знаем, что в списке «Наказа», который был сообщен ею поэту Сумарокову, прямо говорилось об освобождении крепостных. По крайней мере, так надо думать, читая возражения Сумарокова.

«Сделать русских крепостных людей вольными нельзя, — писал Сумароков, — скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут и будут ласкать своих слуг, пропуская им

---

* Что предложение Вяземского, сформулированное маршалом, действительно было так понято, это видно из депеши английского посла, лорда Казкарта, присутствовавшего в самом заседании. От 19 августа 1768 года он писал: «Маршал сказал им, как мне передавали, что так как в предыдущем заседании был возбужден вопрос о том, чтобы за всеми лицами, достигшими офицерского чина, было признано дворянство, а в настоящее заседание было подано противоположное тому мнение, то он обязан решить этот вопрос большинством голосов посредством баллотирования...» (Сборник ИРИО, т. XII, с. 359).

многие бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанно будет в государстве междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах (и бывают зарезаны отчасти от своих, прибавила здесь императрица своею рукою), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища; ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них. В других государствах, в Украине — другое сему основание, а у нас этого быть без отъятия помещичьего покоя не может. Мне в деревнях вовеки не жить; но все дворяне, а может быть, и крестьяне сами такую вольностью довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие. А это примечено, что помещики крестьян и крестьяне помещиков очень любят, и наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет (и иметь не может в нынешнем состоянии, прибавила государыня).

Продавать людей, как скотину, — писал далее Сумароков, — не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут вольны?» (Сборник ИРИО, т. X, с. 85 и сл.).

На основании этих возражений можно, кажется, заключить, что в первоначальном «Наказе» прямо говорилось об освобождении крепостных, иначе эти весьма горячие возражения не имели бы никакого основания.

Императрица осталась недовольна замечаниями Сумарокова. Она нашла, что «г. Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтоб быть хорошим законодателем, он связи довольной в мыслях не имеет...»¹⁹ Надо, однако, полагать, что подобные же замечания, на мысль об освобождении крестьян, она слышала и от других лиц. Известно выражение П. И. Панина. Выслушав некоторые части «Наказа», он сказал: «Ce sont des axiomes a renverser des murailles». Мы не имеем достаточного основания думать, чтобы мысли первоначального «Наказа», относящиеся до нашего государственного устройства, чем-нибудь отличались от мыслей «Наказа» напечатанного; а потому это замечание Н. И. Панина находим возможным отнести только к мыслям государыни о вольности крестьян, да разве еще к отмене пытки и некоторым другим нововведениям в области уголовного права.

Приведенные замечания императрица слышала от дворян, говорились они в их интересе, а по «Наказу» дворяне — опора монархии. Естественно, что она не могла остаться равнодушной к ним. Благодаря этому в «Наказе», данном комиссии, об освобождении крестьян уже нет речи, императрица даже прямо говорит: «Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать и ве-

ликого числа освобожденных» (260). Все дело сводится к тому, что «законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества» (261). Но и это робкое «могут» замыкается следующим общим замечанием: «Окончим все сие, повторяя правило то, что правление, весьма сходственное с естеством, есть то, которого частное распоряжение соответствует лучше расположению народа, для которого учреждается» (262). Это заключение допускает весьма различные толкования и может быть даже приведено с пользою для защиты мнения Сумарокова.

В следующих далее статьях императрица касается с крайней осторожностью вопроса о поборах с крестьян. Она не решается даже высказать мысли о необходимости установления какой-либо определенной нормы крестьянских повинностей, а только находит нужным предписать законом, чтобы помещики с большим рассмотрением располагали свои поборы, и такие поборы брали, которые бы меньше отлучали мужика от его дома и семейства (270). Некоторые другие статьи, касающиеся удрученного положения подданных (276, 277, 288, 295 и др.), императрица даже не решилась отнести прямо к крепостным, хотя они и могут быть истолкованы в их пользу.

Такой осторожностью и даже нерешительностью отличаются статьи обнародованного «Наказа»*. Ввиду сопротивления, которое встретила сама государыня в деле освобождения крестьян, мы не будем, конечно, ожидать, что Коробьин, довольно близко стоявший к руководящим людям комиссии, прямо выступит с проектом освобождения крепостных. Гораздо позднее, в начале нашего столетия, не только освобождение крестьян, но даже проект закона о запрещении продажи крепостных без земли не нашел сочувствия в государственном совете времен императора Александра I²⁰. Коробьин предложил установить с крепостных определенные законом повинности и признать за ними право собственности на их имущество. Это предложение свое Коробьин подкрепляет ссылками на «Наказ», но оно идет далее «Наказа» и отличается большею определенностью и решительностью.

Мы приведем, хотя в извлечении, голос дворянина Коробьина, так резко выделившегося из среды своих собратий. «Когда

* Крайняя осторожность императрицы в крепостном вопросе, к которой пришла она по выслушании замечаний на свой «Наказ», с особенной яркостью выступает из сличения «Начертания о приведении работ комиссии к окончанию» с «Опытом» графа Шувалова. В опыте говорится о том, чтобы крестьян не продавать без земли и из вотчины в вотчину без их согласия, не переводить; дворовых же вовсе не продавать. В «Начертании» все это опущено.

токмо войду в такие мысли, — говорил Коробьин о своих размышлениях относительно причин частых крестьянских побегов, — то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Они берут с крестьян более обыкновенной подати, отдают их в работу к своим кредиторам зарабатывать проценты своих долгов, отбирают крестьянское имущество. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству. Ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны; от сего их спокойствие, от сего и дух к защищению своего отечества распаляющийся происходит. Но, как известно, что земледельцы суть душа общества, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; разоряя крестьян, разоряются все прочие в государстве... Если бы всякий из владельцев известен был, что не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано; то сим бы образом могли пресечься злоупотребления, происходящие от неограниченной власти помещика над именьями своих крестьян». Сославшись затем на 215 и 261 ст. большого «Наказа», Коробьин продолжал: «Надлежит, следовательно, предписать законами, дабы земледельцы видали, что они имеют своего собственного. Премудрое умствование, изъявляющее матернее сердце! Видите, почтенные гг. депутаты, что мать наша к нам вещает. Она внушает, что земледелия нет ничего полезнее в государстве. Она учит, что земледелие в том обществе весьма в худом состоянии находится, где крестьяне ничего не признают за свое собственное... Надобно предписать законом, чтобы крестьянин платил своему помещику ежегодно известную дань, однако же, по силе 277 ст. данного нам “Наказа”, умеренную...»

Коробьин хорошо понимал, что голос его не может рассчитывать на сочувствие большинства дворян, и потому постарался сказать, что нашел возможным, и для их успокоения. В заключении своего голоса он разъясняет, что дело идет только об ограждении имущественных прав крестьян, права же помещиков по управлению своими подданными остаются неприкосновенными. Пилюля была позолочена, что не укрылось от внимания противников Коробьина, упрекавших его потом в противоречии.

Мнение Коробьина вызвало многочисленные возражения. Первым выступил против него депутат углицкого дворянства, генерал-майор Опочинин. Он не находил полезным иметь кре-

постных и не касаться их имущества. Это должно было повести, по его мнению, только к ненависти между помещиками и их подданными. В этом же смысле высказался депутат зарайского дворянства, отставной капитан Кондырев. Представитель дворянства Тверского уезда, лейб-гвардии подпоручик Неклюдов, доказывал, что Россия никогда не чувствовала никакого вреда от власти помещиков, всякие ограничения ее находил бесполезными, так как побег, по его мнению, происходят единственно от развращения нравов, и, наконец, обратил внимание на непоследовательность Коробьина: «ограничить поборы и оставить власть по-прежнему — его два существа вместе быть не могут», так заключил он свою речь. Против Коробьина выступил и кн. М. М. Щербатов. По его мнению, крестьяне бегут не от одного неправоудия и мздоимства помещиков, но и от «пространства Российской империи, вмещающего в себе 8 климатов по земному шару, что понуждает многих искать способнейшего жилища». Остановившись на вопросе о признании за крестьянами права собственности на землю, он спрашивал: «Откуда взять им земли? Если у помещиков, то это значит лишить их кровью приобретенного». Это дало ему повод снова распространиться о заслугах дворянского сословия и обратить внимание собрания на отеческие отношения помещиков к их крестьянам. Особенной язвительностью отличается возражение депутата муромского дворянства, отставного гвардии капитана Ивана Чадаева. Он находил, что «мнение Коробьина, дабы осчастливить государство изобретением новейшей пользы, есть столь похвально, сколь важно его содержание; но способы, к тому предложенные, единою мечтою назвать должно... Не стеснением власти, благоденствия помещиков, но исправлением злонравных благоденствие земледельцам доставить должно». Депутат тамбовского дворянства, камер-юнкер Лопухин, выразил опасение, что уменьшение власти помещиков произведет разрушение их оснований, на которых утвердись отечество наше достигло столь высокой степени славы и благоденствия.

Мы исчерпали все существенные мотивы противников Коробьина, которые принадлежали исключительно к представителям дворянского сословия, и перейдем теперь к его сторонникам, которых он нашел как между дворянами, так и среди представителей других сословий. Чтобы познакомить с их аргументацией, мы приведем выдержки из речей двух депутатов: Козельского и Чупрова.

Депутат от шляхетства екатерининской провинции (днепровского пикинерного полка) майор Яков Козельский находил не-

обходимым определить барщину в два рабочих дня в неделю, а для оброчных имений — оброк стоимостью двух рабочих дней, по местным ценам. Движимое и недвижимое имущество крестьян должно было остаться в их пользовании, с тем, чтобы без позволения помещика они не могли закладывать его и продавать; но владели бы им потомственно, без вмешательства помещика. Развив эти положения, он обратил внимание собрания на пчелу, которая защищает приобретенное трудом своим и жалит, и продолжал: «крестьянин вперед знает, что все, что бы ни было у него, то не его, а помещиково; каковому человеку надобно в таком случае быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И как ему быть добронравну и добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким? В сем насилии он принужден и себе недоброхотствовать, а от того и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лени... И верховная власть, по самодержавию своему, не требует более определенной всякому службы; желать владеть крестьянами беспредельно — значит желать большего».

Депутат от черносозных крестьян архангелогородской провинции Иван Чупров на утверждение тех депутатов, которые говорили, что помещичьи крестьяне более поощряются к хлебопашеству, чем государственные, и что господа поддерживают своих крепостных во время голода и других бедствий, отвечал: «О таковых весь свет знает, кто у кого под защитою и в добром поведении и в немучительстве жительство имеет, у помещика или у хозяина, того похулить едва ли кто отважится; да и не на их помещиков поношение, которые благоразумными учреждениями крестьян своих управляют, да и г. депутат Коробьин не о таковых, но о безмерно мучающих крестьян своих и несносные дани собирающих представляет, а по слуху довольно таковых признавается: недовольны тем, что по желанию своему, по окладу, с души берут деньгами, с них же еще и с домашнего произрачения сверх денег собирают, да их же и в работу берут; почему оный г. депутат и правильно желает узаконить, в чем помещикам иметь власть над крестьянами». Далее Чупров нашел полезным ответить кн. Щербатову на вновь высказанную им похвалу дворянству: «Правда, что заслуга и завсегда признается за справедливо, и честь дворянская за достоинство почитается, да однако же и всякого звания люди во всем государстве не без порученных дел остаются, за кем какая должность состоит, чаю, что по возможности своей и все отправляют; только ныне дело не о том идет, и гг. депутаты не на то собраны, чтоб чести себе приписывать, но в сходственность большого «Наказа» о узаконении всех вообще и каждого особенно. То по-

сему никакой вещи не надо остаться без узаконения и для того не должны, кажется, оставить без определенного закона и помещиковых крестьян».

Кто же остался победителем в этом любопытном споре представителей русской земли XVIII века, решение которого должно было глубоко повлиять на последующие судьбы нашего отечества? К сожалению, мы лишены возможности отвечать на этот вопрос, так как маршал по обыкновению ограничился выслушиванием замечаний, но прений не направлял, согласительного предложения не внес, вопроса не поставил и голосования не произвел.

Некоторые из исследователей, внимание коих останавливалось на екатерининской комиссии, основываясь на том, что число лиц, говоривших против ограничения помещичьих прав, было больше говоривших в его пользу, приходят к заключению, что Коробьин поднял безнадежный вопрос, которому суждено было полное поражение в комиссии. Другие повторяют это мнение. Не думаем, чтобы такое заключение было верно. В прениях принимало участие всего около 16 депутатов, из которых 6 говорили за ограничение, 10 против, комиссии же состояла более чем из 500 депутатов. При голосовании голоса распределяются не пропорционально числу говоривших «за» и «против», а соответственно распределению интересов среди депутатов. Большинство дворян, вероятно, было бы против; но и между ними нашлись бы сторонники ограничения. Коробьин и Козельский живое тому доказательство. За ограничение были и некоторые другие дворянские депутаты, не принявшие участия в прениях. К числу их принадлежит граф П. И. Панин. Это мы знаем из записки, поданной им императрице Екатерине и приведенной в вышеупомянутой статье профессора Соловьева. Панин, согласно с Коробьиным, думал, что к бегству ведет крестьян, между прочим, и неограниченная помещичья власть. Для ограничения ее он предлагал: запретить продажу в рекруты и с раздроблением семей; сочинить примерное на все государство положение о крестьянских работах и податях; барщины назначить 4 дня в неделю, причем крестьянин не должен был пахать в сутки более 1 десятины, косить более 3 копен сена, рубить более 1¹/₂ сажень дров; оброк не должен был превышать 2 рублей. Но все это «примерное положение» не для публикации, а только для секретного предписания губернаторам. Мнение гр. Панина отличается, таким образом, крайней осторожностью и не идет так далеко, как мнения, выраженные в комиссии, но, в принципе, он признает необходимость ограничения и, следо-

вательно, согласен с Коробьиним. До нас дошли два письма князя Дмитрия Алексеевича Голицына, нашего посла при Версальском дворе, к вице-канцлеру кн. Александру Михайловичу Голицыну, члену комиссии. В первом письме, от 1765 года, он говорит о пользе предоставления крепостным права собственности на их земли; во втором, от 1766 года, — на движимости (Русский вестник. 1876. № 2). Этот Голицын не был членом законодательной комиссии. Но думаем, что будет большою несправедливостью к именитым представителям дворянского сословия утверждать, что только двое из их среды сознавали всю несправедливость и государственный вред крепостных порядков их времени*. От их молчания в комиссии нельзя еще заключать к образу их мыслей. В проект прав благородных было внесено постановление о свободных деревнях, а проект прав крепостных признает за крестьянами право собственности на их движимости и говорит об учреждении для крепостных особого крестьянского суда и о праве их жаловаться на помещика, если он будет их разорять, а между тем ни авторы этих проектов, ни члены дирекционной комиссии, одоббившей его, не приняли никакого участия в прениях большого собрания. Они могли сохранять молчание по нежеланию спуститься на арену публичных прений, где крестьянин Чупров делает наставление князю Щербатову, справедливости которого они не могли же не признать.

Иначе должно было отнестись к предложению Коробьина большинство представителей других сословий, для которых крепостное право не представляло никаких выгод, а наоборот, одни неудобства. Мы знаем, что купцы прямо жалуются комиссии на то, что они не могут конкурировать с дворянами, так как дворяне располагают для своих фабрик и заводов даровым трудом крепостных, а они должны оплачивать труд своих наемных работников. Вот почему есть достаточное основание думать, что большинство представителей других сословий было бы на стороне ограничения помещичьей власти, злоупотребления которой были у всех перед глазами, польза же доставалась только одним дворянам.

* Еще в пользу ограничения помещичьей власти из именитых современников комиссии высказался граф Яков Сиверс, новгородский губернатор. Причину крестьянских побегов он усматривал, как и Коробьин, в неограниченной власти дворян налагать на крепостных какой угодно оброк и требовал правительственного определения количества оброка и рабочих дней (Соловьев. История. XXVI, 137). Сиверс не был депутатом, но мог присутствовать в комиссии в качестве губернатора.

Из приведенных примеров видно, что среди представителей русской земли XVIII века были люди, которые правильно понимали государственные потребности своего отечества, умели ценить хорошее в Петровских реформах и имели достаточно мужества для борьбы с такой старой язвой, как крепостное право.

Не голос русского народа, к радости всей России раздавшийся в комиссии, производит грустное впечатление. Нет! грустное впечатление производит полное неумение руководящих людей воспользоваться этим голосом и свести его к определенным положениям, которые могли составить лучшую славу екатерининского царствования.

Сделанный нами разбор условий, которыми была обставлена деятельность комиссии, достаточно уже уясняет исход ее занятий.

«18 декабря 1768 года маршал Бибииков объявил собранию о полученном комиссиею именном указе, в котором императрица, ввиду того, что, по случаю нарушения мира, многие из депутатов, принадлежащее к военному званию, должны отправиться к занимаемым им по службе местам, повелела: депутатов, которые, за выбором членов в частные комиссии, остались в большом собрании, распустить до тех пор, пока они вновь будут созваны; членам же частных комиссий остаться и продолжать свои занятия».

Объявлением войны императрица вовсе не думала воспользоваться как средством для прекращения занятий неудобной ей комиссии. Война действительно требовала отсрочки заседаний большого собрания. Это ясно из состава комиссии. Из 160 дворянских депутатов 92 состояли в военной службе; к ним надо причислить 54 представителя казацких войск, которые также не могли оставаться в Петербурге. За отъездом этих депутатов деятельность большого собрания, конечно, не могла продолжаться. Кроме того, письменная работа в значительной мере велась также военными людьми: прапорщиками, каптенармусами, сержантами и пр., временно прикомандированными к комиссии. Они тоже должны были уехать. Еще до указа императрицы одни члены комиссии сами заявили о желании своем присоединиться к полкам, другие были вызваны своими начальниками. Так, еще 29 ноября князь Голицын, начальник первой армии, которому было подчинено и донское казацкое войско, просил прислать к нему депутата, войскового старшину Сулина, известного ему как знатока казацкой службы. Вслед затем он просит отпустить и генерал-поручика Ренненкампфа, подписавшего известное заявление о балтийских привилегиях.

То же делают и другие начальники: граф Григорий Орлов, генерал-кригс-комиссар Глебов, граф Петр Панин, которые и сами были членами комиссии. Граф Панин еще 13 декабря просил отпустить из комиссии всех депутатов и офицеров по письменной части, входивших в состав московского полка, который уже выступил в поход против турок. За неделю до этого, поручик московского полка Астафьев сам просится об увольнении, желая разделить участь своего полка... Деятели комиссии разъезжаются еще до указа императрицы.

Ввиду этого отсрочка заседаний большого собрания была неизбежна, и императрица действительно предписала отсрочку, а не замаскированное распускание. Председатель комиссии, приписывавший неудовлетворительный ход занятий большого собрания его многочисленному составу, а не своему неумению взяться за дело, несколько раз обращался к императрице с представлением о невозможности совещаться с таким большим числом представителей. Несмотря на эти неоднократные представления, Екатерина во все свое царствование не распустила большого собрания, по крайней мере мы не встретили такого указа. Ей больно было, конечно, отказаться от замысла, на который она возлагала такие блестящие надежды. В Полном собрании законов отпечатано несколько указов, которыми заседания комиссии еще в семидесятых годах несколько раз отсрочивались: сперва до 1 мая 1772 года, потом до 1 августа и 1 ноября того же года, и последний до 1 февраля 1773 года. Таким образом, еще в 1773 году императрица рассматривала комиссию как существующую. Так же смотрели на нее и в обществе. В том же году белорусский генерал-губернатор граф Чернышев просил императрицу о дозволении жителям двух вновь присоединенных белорусских губерний прислать в комиссию составления проекта нового уложения депутатов. На этой просьбе императрица положила высочайшую резолюцию: «Быть по сему». Последнее известие о комиссии, которое мы встретили, относится к 1775 году: в этом году «уложенная комиссия» была помянута в числе тех учреждений, которые прибыли с императрицею из Петербурга в Москву и теперь должны были возвратиться обратно. Таким образом, екатерининская комиссия никогда не была распущена, — она просто была забыта.

Эта смерть комиссии от забвения, — при неправильной постановке задачи ее, при многих недостатках организации и, наконец, при полном неумении руководящих людей не только исправить искусным применением первоначально допущенные ошибки, но просто привести в исполнение то, что в предписани-

ях Екатерины было исполнимого, — совершенно понятна. Великая мысль императрицы призвать к участию в законодательстве представителей всех сословий и, таким образом, дать подданным своей обширной империи, принадлежащим к разным народностям и разным исповеданиям, высшее единение, — разбилось, встретившись с полным неумением дать ей практическое осуществление. В течение года и 6 месяцев комиссия не сделала ни одного постановления по существу законодательных вопросов, несмотря на все усилия императрицы помочь ей. Таким направлением дела маршал доказал бесполезность ее гораздо лучше, чем могли это сделать его неоднократные представления. Императрица потеряла, наконец, веру в комиссию, а потому и не возобновила ее заседаний.

Истинные причины этого факта не были правильно поняты в свое время. Сенатор Бибииков, сын маршала, в жизнеописании своего отца высказывает такую мысль: «Предприятие сие было рановременно; ...некоторые же из депутатов, увлекаемые вольнодумием, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти, другие предлагали уничтожение рабства...» Вот корень тех обвинений комиссии, которые распространены в нашем обществе. Исходя из источника, столь близкого к маршалу, эти обвинения легко находили веру. Тем не менее они совершенно неосновательны. Дневные записки большого собрания, содержащие полную летопись его занятий, ныне уже печатаются. В них ничего нет, что бы могло оправдать приписываемые Бибииковым некоторым депутатам «ухищрения». Думать, что дневные записки скрыли эти ухищрения, нет ни малейшего основания: они писались не для печати, а для поднесения самой императрице. Скрыть же что-нибудь от государыни не было возможности: в самом собрании было слишком много людей, лично преданных ей, да и сама она нередко была невидимой свидетельницей происходившего, — факт, вызвавший неодобрение со стороны англичанина Ширлея, но не казавшийся стеснительным нашим депутатам, которые, наоборот, восхищались этим невидимым присутствием государыни. История едва ли представляет пример собрания представителей народа, более проникнутых уважением к закону и предержащим властям. Екатерининская комиссия ни единым заявлением хотя бы одного своего члена не погрешила против поучения апостола: «несть бо власть аще не от Бога».

Что касается другого упрека, состоящего в том, что члены комиссии, проникнутые вольнодумием, предлагали уничтожение рабства, то и он также несправедлив. Члены комиссии

предлагали не уничтожение рабства, а только некоторые ограничения помещичьей власти. Предлагавшие это члены имели на своей стороне государыню, которая в первоначальном «Наказе» шла даже далее их предложений и, конечно, вовсе не была испугана вольнодумством Коробьина и его сторонников.

Если царь Алексей Михайлович в 1648 году издал соборное уложение, то приглашение депутатов с той же целью императрицею Екатериною никак уже не может быть рассматриваемо как преждевременное. Правда, в той форме, в которой императрица задумала свою комиссию, она была неосуществима, но в этой форме она никогда и нигде не могла осуществиться. Здесь вина не в основной мысли законодательства при участии представителей народа, а в неправильно выбранном способе осуществления этой мысли. Депутатские наказания ставили дело законодательства вполне практично. Насколько императрица отправлялась от нескольких смутных идей, наваянных на нее чтением французских книг, настолько же представители русской земли исходили из нашего действующего права, заботясь единственно об исправлении его и об облегчении некоторых совсем уже непомерных тягостей и злоупотреблений. При таком направлении депутатов дело законодательства ставилось на реальную почву и непреодолимых затруднений не представляло.

Неудачный исход екатерининской комиссии можно было предвидеть. Надо только жалеть, что истинные причины его не были поняты своевременно. Это могло бы повести к новым, более удачным опытам и во всяком случае спасло бы благое начинание Екатерины от того недоверия, которое и до сих пор еще примешивается к воспоминанию о нем. Печатаемые теперь акты комиссии снимут незаслуженно наброшенную на нее тень подозрения и представят деяния ее в их истинном свете. Они раскроют множество ошибок, которыми с самого начала было обставлено это дело; но вместе с тем раскроют и то чувство строгой законности, и ту умеренность желаний, которые проявили в эту памятную эпоху представители русской земли, и дадут нам возможность взглянуть на положение России XVIII века при блеске того света, которым на минуту осветила все закоулки нашего обширного отечества гениальная мысль великой государыни*.

* На эту заслугу комиссии указала сама императрица: «Комиссия уложения, — сказала она, — быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно... Стали многие о цветах судить по цветам, а не яко слепые о цветах».